

ИВ

Лоранс Бенаим

СЕН-ЛОРАН

*Yves
Saint Laurent*

«MÉMOIRES
DE LA MODE
ОТ АЛЕКСАНДРА
ВАСИЛЪЕВА»

Лоранс Бенаим
Ив Сен-Лоран
Серия «Mémoires de la mode
от Александра Васильева»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67207445

*Ив Сен-Лоран :
ISBN 978-5-480-00414-4*

Аннотация

Ив Сен-Лоран, расцвет карьеры которого пришелся на вторую половину XX века, принадлежит к плеяде самых влиятельных дизайнеров мира. Несмотря на то что слава Сен-Лорана была интернациональной, центром его творчества неизменно оставались Париж и Марракеш. Его творчество – одна из самых ярких вех Высокой моды, а логотип *YSL* существует до сих пор.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Оран, горько-сладкий город	13
Парижское воспитание	60
Молодой король в доме моды Dior	135
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Лоранс Бенаим

Ив Сен-Лоран

© Editions Grasset et Fasquelle, 2002, 2018

© А.М. Левшин, перевод, 2022

© ООО «Этерна», издание на русском языке, 2022

Посвящается Рейчел и Герману Фрейдер

*«Мое оружие – это взгляд, которым я окидываю
свою эпоху».*

Ив Сен-Лоран

«А не опасно притворяться мертвым?»

Мольер «Мнимый больной», действие III, явление XVI

*«Мы с тобой Львы по гороскопу, – говорил он, –
а у львов в пустыне иногда случаются депрессии.
Тогда думают, что они уже ни на что не годны, но
они просыпаются, и тогда...» Он зарычал, как лев,
оживший в знаке Метро-Голдвин-Мейер».*

Жан-Жак Шуль «Ингрид Кавен»

Предисловие

В доме номер 5 по авеню Марсо раньше царила разнообразная тишина: это была тишина линий, белая тишина тканей, круглая и мягкая тишина швейного ателье, тишина рук, работавших в безмолвии; холодная тишина ожидания, когда хозяина этого модного Дома здесь не было; счастливая тишина улыбки, проскользнувшей в зеркале. Еще здесь появлялась как гостья красота. Она была историей любви между модельером и его манекенщицами, между ним и его авторской мастерской. Во всем была растворена тишина боязни и сомнения – особенности его характера и таланта. Я встретила с Ивом Сен-Лораном в 1986 году в рабочей обстановке, и лишь через год мы были представлены друг другу. Изданная в 1993 году, эта биография кутюрье была переиздана в 2002-м, что было приурочено к закрытию модного Дома Ива Сен-Лорана, а затем в 2010 году.

Однажды он бросил мне вскользь: «Ну, вы знаете мою жизнь даже лучше, чем я...» Это не так, разумеется. Ведь описать биографию этого человека при жизни – значит отказаться от некоторых ловушек, спрятанных в ней. Я не старалась обойти теневые зоны его жизни, а скорее пыталась выявить свет, исходящий от его личности, именно этот свет сделал его особенным. Некоторые люди писали о нем и касались других сфер жизни. Даже если принять во внима-

ние привычку Сен-Лорана идентифицировать себя с разными персонажами, прежде всего с прустовским Сваном, кутюрье теперь существует отдельно, вне своего тела, которое он бросил когда-то на произвол судьбы, позволив ему стареть, толстеть и разрушаться. Он не щадил себя, принимал наркотики, периодически проводил дезинтоксикации и подвергал себя личному суду. Даже в 2018 году, через десять лет после его смерти, вокруг него по-прежнему зона отчуждения, как и при жизни.

Ив Сен-Лоран познал секрет женской души задолго до того, как узнал женщин. Несомненно, он был первым, кто выразил их мечты во всех гранях, от доминирования до подчинения, поверх старых штампов и с нотками эротизма.

Ив Сен-Лоран – это сплетение искренности и нарочитости, потому как внутри у него билось сердце, красное от страсти. Красный цвет Сен-Лорана – это не красный коврик для всегда одинаковых, зализанных завсегдатаев дефиле; это бархатный занавес ночного театра; это поцелуи макового цвета; это следы помады на щеках и на бокалах шампанского.

Его праздники проходили без селфи, где каждый был в новом образе самого себя. Герой или героиня, ангел или демон, кем бы ни был гость, он уникален, он может быть из прошлого или настоящего, мужчиной или женщиной. Ив Сен-Лоран – *YSL* – это царство свободы; это крики, химеры, ласки мрака; это манжеты официантов и вечера в синематеке;

это головокружение отверженных и проклятых. Ив Сен-Лоран остается и по сей день тайной, его биография скрывается за закрытыми дверями.

Он любил рыжеволосых женщин, а своих целомудренных богинь с мальчишеским бюстом рисовал еще подростком в Оране, мечтая о женщинах с «кричащим макияжем», чье появление спровоцировал в 1958–1960 годах, когда работал в Доме моды Кристиана Диора. Это были его хищницы, его змеи с глазами цвета беды.

Сам же Сен-Лоран навек принадлежит безымянному народу изгнанников. Он одновременно астероид и ядро старой кометы; планета-монстр, изменившая отношение людей к «солнечной системе» моды. Из солнца, которое было так дорого Шанель, и звезды-талисмана Диора Ив Сен-Лоран сделал огненный шар, метеор, который освещает галактику даже после его смерти. Для меня в этом его главная сила: быть не только незаконнорожденным сыном Шанель и Диора, сыном времени и мгновения, стиля и моды, но еще стать изобретателем нового международного языка моды, нового взгляда на нее. Одевая, он раскрывал личность матерей, сестер, возлюбленных.

Что касается славы, то молодой выходец из Орана с бледным лицом сумел удержать ее в руках в течение полувека, не сбавляя темпа, под наставничеством Пьера Берже¹. «Свя-

¹ Берже, Пьер (1930–2017) – французский промышленник и меценат, один из создателей Дома моды *Yves Saint Laurent*, был директором Дома до 2002 г. – *Здесь*

ценное чудовище» стало чуть менее священным, когда признания и искренние рассказы людей о нем разметали все, что он так старался сберечь до конца, — свою честь кутюрье. Сен-Лоран защищался тремя способами: своими произведениями; любовью, которую он дарил; и дерзостью своей независимости от любых условностей. Чем больше фотокамер нацелено на жилище покойника, тем больше он, призрачный, дразнит своих хищников, путает следы, провоцируя добропорядочность преследователей. Его душа воплощена в каждой модели, питаясь плотью времени, а платья всегда держат спину прямо и никогда не сдаются. В день нашей встречи его пес Мужик. слопал пленку моего магнитофона.

Писать — это не только вспоминать о чем-то, но еще и идти на общение, наблюдать, видеть новое, быть свидетелем того, что вечно; видеть тайну, которая не открывается ни экскурсоводам, ни музеям, ни байопикам, ни визуальному репортажу. Чтобы спастись от проблем, он уходил от самого себя, играя своими тремя именами как тремя отражениями — Ив, Сен и Лоран. Три имени как inferнальное трио и урок изящества для других. Он выдумывал персонажи, рисуя их черным цветом и аквамарином, знаками торжества и опьянения. Рисуя эти характеры, он в то же время развенчивал идеал, в который верил Теофиль Готье, тот говорил: «Цвета счастья — белый и розовый, и ничего тут не поделаешь: представить его иначе невозможно.

Вообще ему по праву принадлежат нежные тона. На палитре у него и бирюзовая, и небесно-голубая, и соломенно-желтая краски...»². Этим бледным пастельным тонам Ив Сен-Лоран предпочел опасность, червоточину, колдовство своих воображаемых скитаний.

Империя, которую он создал вместе с Пьером Берже, строилась в состоянии головокружения. Будучи прирожденным кутюрье, он освободил моду от условностей, от церемоний и ухищрений.

Человеческая фигура была для него прежде всего вызовом, самовыражением, игрой смелого аксессуара, цвета, материй, театральным действием, только если оно не будет напыщенным. Ни кринолинов, ни геометрии. Он понял это первым. В архиве Кристиана Диора можно встретить наброски его ассистентов с пометками Ива Сен-Лорана, ему тогда было 22 года: «Это не широкая юбка, а платье без шва!» Можно представить себе, как он ругался в тишине, разъяренный и озабоченный, ставя галочку и зачеркивая модель «Метаморфоза», добавляя на полях с отвращением: «Ох!» Когда он рисовал модель «Армида», то прокомментировал: «Не так много морщин, иначе это будет похоже на пакет!» Уже тогда YSL был непримиримым в борьбе с неточностью, таким он был и по отношению к самому себе. Париж нынешний – всего лишь тень того города, который был его столицей и центром его парфюма.

² Теофиль Готье. Мадемуазель де Мопен. Пер. Е.В. Баевской.

Ив Сен-Лоран – это Кахина, которая поет «Я выживу»³. Быть всегда начеку и не сдаваться, чтобы защитить ремесло, – это прямая линия в борьбе с мелочностью, узостью взгляда и скукой. Он нарушал моральные запреты буржуазии, шокировал ее как мог. Через десять лет после своей смерти Сен-Лоран поражает еще больше. Его образ кажется танцующим и привлекательным, таким же, как и его наброски. Лев рычит из-за решетки, беспокойный и непредсказуемый. Его модели кажутся моложе и тех мужчин и женщин, которые их разглядывают, и тех, которые о них вспоминают. Пиджаки с плечами в форме пагоды. Юбка-колокол «Порыв ветра» из белой ткани пике. Галстуки, пояса-корсеты, букеты искусственных цветов, мех серебристой лисы, птичьи перья, звезды-стразы и огненные губы манекенщиц. В 1962 году на дефиле-инаугурации; в 1966-м при запуске коллекции *Rive Gauche* («Левый берег»); в 1971 году при запуске известной линии *Libération* («Освобождение») – Ив Сен-Лоран переплавил в эти коллекции «свой жизненный опыт, взятый под ракурсом эстетики»⁴. И сейчас он всегда там, где что-то трещит по швам, сбивает с толку, где неожиданное решение ставит все с ног на голову. Такой же хищник, как и Энди Уорхол, он не перестает и сейчас навязывать моде всего мира

³ Кахина – алжирская певица кабийского (берберского) происхождения. «Я выживу» – песня-хит 1978 г. в исполнении певицы Глории Гейнор, стала негласным гимном ЛГБТ-сообществ. – *Прим. пер.*

⁴ Susan Sondag. *L'Œuvre park*, Paris, 2010. Лоранс Бенаим

свои особые предпочтения, свой калейдоскоп цитат, убеждений и пристрастий. Но остаются еще фантомы его присутствия то здесь, то там; суеверия, воспоминания о нем; нахальная «Гадкая Лулу»⁵; слезы на глазах у тех, с кем он работал. В Париже некоторые считали его колдуном и медиумом. В доме номер 5 на авеню Марсо, в большом конференцзале, его фотопортрет работы Ирвинга Пенна смотрит на вас из-под ладони волчьим глазом. В Марракеше таксисты вспоминают о нем как о «господине Мажореле»⁶. Миражи. Ив Сен-Лоран умер до того, как большой свет озарил его. Этот свет освещает его теперь и не дает ему уйти, испариться. Осталась красота фигур из кисеи, цитаты из фильма «Орфей», осталось воспоминание об улице, которая его вдохновила и которую он одевал. Правда, она уже не помнит о нем или помнит, но мало. Что бы она значила без него?! Без придуманных им бушлатов для андрогинов и плащей, которые он перенес из мужского гардероба в женский, сделав их незаменимой его частью?! Брюки (женщинам было запрещено носить их на работу до 1968 года) стали классикой. Память о Сен-Лоране

⁵ «Гадкая Лулу» – комикс, нарисованный Ивом Сен-Лораном и ставший мультфильмом. Лулу – это выражение садистских наклонностей самого автора, чего он не отрицал. Комикс изобилует сценами убийства, отравления, похищения и изнасилования детей. – *Прим. пер.*

⁶ Мажорель, Луи-Жан-Сильвестр (1859–1926) – парижский художник-ориенталист, основатель ботанического сада в Марракеше, Марокко. В 1980 г. сад был куплен Сен-Лораном и Пьером Берже, с тех пор принадлежит Фонду Пьер Берже – Ив Сен-Лоран. Это часто посещаемая туристическая достопримечательность. – *Прим. пер.*

— это постоянная череда парадоксов. Все дело в его тяге к экстриму. Его бархатные модели «Леди Макбет», его жакеты *saharienne*⁷ марки *Rive Gauche*, его смокинги. Теперь они в музеях, он и сам там, где его имя означает свободу существовать, двигаться, придумывать свою жизнь. Жизнь создается подобно рисунку, когда хочешь зарисовать сон перед зеркалом. Рисуешь, освободившись от тисков и условностей, от ненужных складок, от всего, что мешает свободной походке.

⁷ Женский жакет на шнуровке в стиле сафари. — Прим. пер.

Оран, горько-сладкий город

У женщин Орана была одна забота – выглядеть еще кокетливее, чем остальные женщины Алжира, и такими же оставаться. Теплыми ночами в казино или за чаем с кебабом на соседской вилле они искрились весельем и общительностью. Морские офицеры предпочитали Оран Алжиру: девушки здесь красивее. Алжир – город правительства и административных учреждений, расходился по малым кружкам и партиям бриджа и засыпал в девять часов. Оран же, наоборот, жил по испанскому времени, там считали жителей Алжира холодными, негостеприимными, точно они лионцы. Жители Алжира смеялись над оранцами и их произношением: «А-а, вы из Орана?» Они находили их вульгарными.

Город был построен амфитеатром у подножия горы Мурджарджа, в болотистой низине, опирался на два склона, один из которых дал ему свое имя – Уархан. Город развивался бешеными темпами, торопясь построиться и разбогатеть. В Оране мужчины занимались делами, а женщины – красивыми детьми. Мужья зарабатывали много денег, а жены их тратили. Космополитический солнечный город, Оран был разбит на касты. Ничто не проходило незаметным, проще было срочно уехать, если у вас проблемы. На верху общественной пирамиды находились колонисты, поднявшиеся на сельском хозяйстве, и важные лица города, отличавшиеся тем,

что могли дать объявление в газету: «Требуется французская служанка, которая будет жить в доме...» Далее следовали «малые французы» – служащие, учителя начальных классов и профессора. Евреи и испанцы дополняли «европейскую мозаику». Арабов было больше всего, но их почти не было видно, разве только по утрам, когда они, разгрузив суда в порту, шли из нижних кварталов группами по пять или шесть человек пешком через весь город в Негритянскую деревню. Их крепкие тела, дубленные от работы, блестели на солнце. Здесь, на плато Святого Михаила, жила семья Матьё-Сен-Лоран.

Род Сен-Лоран происходил от Пьера-Матьё из Метца (родился в 1640 году), это род магистров права из Эльзаса. В 1870 году один из предков кутюрье покинул эльзасский город Кольмар, дабы скрыться от прусских захватчиков. Изначально родовая фамилия писалась как «Матьё де Хайдольсхайм». Бабушка Ива была близкой подругой скульптора Бартольди⁸ и позировала ему на фоне фонтана Кольмара (ее бюст теперь находится в муниципальном музее). Дедушка, Мари-Жюль-Анри, поселился в Оране как практикующий адвокат, предварительно защитив диссертацию на степень доктора латинского языка. Не земля и не ферма, а особняк из двенадцати комнат стал основным имуществом семьи, с мебелью из красного дерева в стиле «Возвращение из Егип-

⁸ Бартольди, Фредерик Огюст (1834–1904) – французский скульптор, автор статуи «Свобода, освещающая мир» в нью-йоркской гавани.

та»⁹. В гостиной висел большой портрет предка – Жозефа Игнатия Матьё, барона де Мовьера, нотариуса, составившего договор между Наполеоном Бонапартом и Жозефиной де Богарне. Судя по слухам, дом был подарком императора и получил имя «Давид».

В туманный день, 1 августа 1936 года, в клинике Жарсэй-он увидел свет Ив Анри Донат Матьё-Сен-Лоран. Это был 214-й по счету день в году, по святцам день святой Надежды. Совпадение не замедлило подтвердиться, как вспоминала Люсьенна, мать Ива: «Семья моего мужа только что потеряла сына, умершего от укуса пчелы, и Ив явился как сам Господь Бог!» Семейная пара ездила в столицу Алжира покупать ему кроватку. Мальчик был крещен 5-го числа и вскоре стал старшим ребенком в семье. Его сестры, Мишель и Брижит, родились в 1942 и 1945 годах.

1936 год – это времена счастливого Алжира. Весь Оран читал новости в газетах на террасах кафе. Газета *L'Écho d'Oran* от 1 августа была переполнена энтузиазмом: фюрер торжественно открыл Олимпийские игры в Берлине, доктор Геббельс приветствовал олимпийский огонь. Так ли важно было знать, что реквизированные суда привозили в Алжир испанских беженцев из Аликанте и Валенсии. В голове у горожан было совсем другое... Развлечения, например. После

⁹ «Возвращение из Египта» – стиль интерьерного и паркового дизайна, связанный с Египетской кампанией Наполеона во времена его консульства. Был распространен в начале XIX в., после него вошел в моду ампи́р.

обеда публику привлекали концерты оркестра Ламурё, галла-показы Карсенти или казино Канастель, а также местный театр, который оранцы, как истинные фанфароны, считали «самым известным театром наряду с Капитоль де Тулуз». Спектакли – это встречи местных эстетов и элегантных дам. Оран – это еще и африканский город, где тысячи темных кинозалов под названием «Плаза», «Рокси», «Эдем», «Идеал», «Регина», с красными плюшевыми креслами, где каждый человек за несколько сантимов мог поглядеть в глаза кинозвездам. Кинокритик из газеты *L'Écho d'Oran* отмечал «захватывающие» экранные драмы, «умные» диалоги, «бешеный» ритм фильма, особенно когда в конце фильма персонажи «мирятся».

В этот год на всех афишах были изображены Ивонн Прентан¹⁰ и Пьер Френе¹¹ в фильме «Дама с камелиями»; Марлен Дитрих в лебединых сияющих перьях, игравшая оборотительную авантюристку Мадлен де Боппе (фильм «Желание»). Она пьет на экране чай из хрустальной чашки и получает в подарок от поклонников розы бледно-желтого цвета... *L'Écho d'Oran* рекомендовала читателям кисею и тирольские принты, «забавные и новые». Другой кумир эпохи – Даниэль

¹⁰ Прентан, Ивонн (1894–1977) – французская драматическая актриса и певица межвоенного времени, лирическое сопрано. Ее неповторимый голос озаменовал свое время и оперетту.

¹¹ Френе, Пьер (1897–1975) – французский актер театра и кино.

Дарьё¹², страдала от любви к Шарлю Буайе в фильме «Майерлинг». Женщины Орана танцевали вальс не хуже венских дам и мечтали о невозможной любви при дворе императора, где они говорили бы своему избраннику, красавцу Рудольфу, в парадной военной форме: «Заберите меня с собой!»

Одетая в платье из черного крепа, которое эффектно обнажало плечи, Люсьенна Матьё-Сен-Лоран, мать Ива, напоминала Даниэль Дарьё в фильме «Мадемуазель моя мать». Ее прическа, ресницы – все это арсенал «прелестной простушки», популярнейшей кинозвезды, которой завидовали все женщины вокруг. Изумрудные глаза Люсьенны подчеркивались тонкой линией карандаша, которая заменяла брови.

Ее происхождение романтично: урожденная Вильбо, от матери-испанки из алжирского города Сиди-Бель-Аббес и отца, бельгийского инженера с угольных шахт алжирского города Уэнза. Люсьенна была воспитана Рене, сестрой ее матери, очень богатой вдовой, чей покойный муж был Эмиль Кайла, меломан-архитектор. Дома у этой тетушки стояла мебель от Мажорея и Галле¹³, она воспитала у племянницы вкус к «украшениям, платьям, ко всему». Девочка выросла, привыкнув жить двойной жизнью. Грустная пансионерка

¹² Дарьё, Даниэль (1917–2017) – французская актриса и певица. Фильм «Майерлинг» имел оглушительный успех. Шарль Буайе играл роль австрийского кронпринца Рудольфа.

¹³ Галле, Эмиль (1846–1904) – французский дизайнер, представитель стиля модерн, реформатор художественного стиля.

в лицее для девочек Стефана Гзеля, она появилась на первом публичном балу в 1930 году, провела шикарные летние каникулы в Париже со своими кузенами Анри и Пьером и довольно скоро узнала воздушную элегантную жизнь отеля «Рояль» в термальном городе Эвиан-ле-Бен. В Анси семейство Кайла останавливалось в отеле «Палас», а в Каннах – в отеле «Мартинес». «Надо было хорошо одеваться, чтобы выйти к обычному обеду», – вспоминала мать модельера. Мрачный шофер-испанец в ливрее за рулем «бугатти». «Он был известен тем, что имел связь с клиентками». Люсьенна, какой она была в том 1936 году, еще аккуратно наполняла свои фарфоровые бонбоньерки всякой всячиной, как это бывает у некоторых дам, предрасположенных к роскоши, хотя никто их этому не учил. Она была не из разряда тех экономных женщин, которыми обуревают чувство долга и семьи, которые находят вульгарным черное нижнее белье и говорят об актрисах как о «неприличных женщинах». Легкая и кокетливая, Люсьенна вела себя как важная дама. Вся ее симпатия к супругам колонистов была скрыта в улыбке, она оценивала их, поддавшись чарующим ароматам этих женщин, слишком богатых, слишком красивых, слишком черноволосых. «Вы бы посмотрели на этих женщин из Рио-Саладо, когда они купаются с их огромными бриллиантовыми перстнями». Люсьенна потеряла свое помолвочное кольцо, но все же это произошло не на пляже.

Ее жених много работал и путешествовал. Шарль Ма-

тьё-Сен-Лоран обладал достатком, соседи считали его важной личностью. Он руководил страховой фирмой и управлял сетью кинотеатров в Марокко, Тунисе и Алжире, что позволило позже его детям бесплатно смотреть все известные фильмы. Высокий и спортивный, этот красавец любил жизнь такую, какая она есть, с честью вынося невзгоды. Как и его отец, он окончил лицей Ламорисьер. В 19 лет он практиковал как юрист в Марселе и приезжал в Оран, чтобы провести лето у своего дяди, врача муниципальной оперы.

Как и многие другие семейные пары, Шарль Матьё-Сен-Лоран и Люсьенна Вильбо встретились на бульваре Сеген. «Он был очень красив и на шесть лет старше меня. Он всегда был одет в котелок и белый плащ. Неподалеку было танцевальное заведение. Он пригласил меня туда. Мы поженились 4 июля 1935 года», – вспоминала Люсьенна Сен-Лоран.

У семьи Матьё-Сен-Лоран была французская прислуга. Анжела готовила еду. Мария убиралась, консьержка забирала белье (стиральная машина находилась во дворе). Из всей прислуги только садовник был арабского происхождения. Всем в квартале было известно со слов курьера Бартоло, что мадам регулярно заказывает в магазине Корсиа ящики шампанского. Ей нравилось устраивать праздники, там появлялись сливки общества: мэр, префект (Фуке-Дюпарк), заместитель префекта, крупные негоцианты вина (Дюкене), адвокаты (Болюкс-Бассе), фабриканты, оптовики по продаже сыра (Дюкайлар)... Супруги Матьё-Сен-Лоран обожали

выходы в свет, особенно мадам. «По вечерам, – рассказывает она, – мы переходили от красоты к красоте». Самые шикарные приемы давались у мадам Бертюэн-Мараваль из старинной состоятельной семьи Орана. Президент «Общества четырех А» (*Association amicale des arts africains*), она руководила двумя благотворительными организациями – «Ульем» и «Каплей молока». Мадам принимала гостей на своей вилле «Евгения» среди китайских вещиц и позолоченных ангелов. Она когда-то пересекла Сахару на самолете, написала несколько книг стихов, таких как «Земля света», «Песни Хоггара». Это была эксцентричная богачка. По воскресеньям она раздавала знаки Красного Креста на площади Оружия, одетая в платье из черной кисеи и в шляпе «в духе тех, кто ходит в магазин», как выражались оранцы. Порядочные женщины шептались между собой, что она была любовницей епископа. Люсьенне это было все равно, прежде всего она занималась своими туалетами: что будет на ней в Адмиралтействе, в яхт-клубе, в теннисном клубе, когда любовные румбы благоухают «Ночным полетом» от Герлен? Голос Тино Росси¹⁴ раздался из патефона: «Под серебристыми звездами мелодия летит к небесам. Слушайте ночью мандолины и божественные голоса».

Ив вырос среди смеха, солнца и секретов, которые опас-

¹⁴ Росси, Тино (1907–1989) – французский певец и актер корсиканского происхождения. Единственный эстрадный певец Франции, продажа дисков которого превысила 500 млн.

но поблескивали в глазах скрытной матери. Он был ребенком-королем. У него было все: плюшевые игрушки, машинки, трехколесные велосипеды, игрушечный театр с Белоснежкой и семьей гномами. В «Маленьком Виши», скалистом саду, старшие катались на осликах, а младшие делали куличики из песка. Его одевали как юнгу для гала-вечеров, в белые штанишки и сандалии. Он очень быстро понял, чего от него ждут, играл роль ребенка с восхитительно-капризным поведением. «Нет, я не люблю тебя в таком виде», – говорил он своей тетушке Рене, и та переодевалась три раза, чтобы ему угодить.

Дом 11 на улице Стора – это дом женщин. Его комнаты, наполненные цветущими циниями, хранили все веселье мира. Соседи еще помнят смех хозяйки, похожий на жемчужное ожерелье, рассыпавшееся по розовой мраморной лестнице. Утром она одевалась «во что-то простое», чтобы пойти купить фруктов на рынке, и возвращалась с букетом цветов в руках.

Анжела готовила обед. После обеда мадам уходила за покупками в город. Немного заносчивая невестка иногда организовывала чаепития, куда она ходила, но без энтузиазма. Люсьенна спускалась по бульвару Сеген в своем чудесном зеленом платье. Она была без ума от этих хлопчатобумажных тканей яркого цвета, которые покупала в специальном магазине «Мишель, Бухара» на улице Арзев. «Восхитительно», – говорили соседи, попивая лимонную воду на террасе

Корсиа. Мать-кокетка, бабушка-чудачка, которая писала поэтические письма, пела в церкви и вспоминала, что когда-то она была настоящей красавицей. А круглые биточки Ангелы на полдник!

С июня по сентябрь семья Матьё-Сен-Лоран жила на частной вилле в Трувиле. Как Буиссевиль, Клерфонтен и Сан-Рок, Трувиль был курортом для крупной буржуазии из Орана. Это вопрос касты. Семьи поскромнее снимали домишки в городке Аин-эль-Франин или устраивали пикники на пляжах побережья, выбрасывая мусор на перевале, возвращаясь домой в воскресенье вечером. Арабы не ходили на пляж.

В Трувиле Матьё-Сен-Лоран встречались со старыми друзьями. Взрослые играли в канасту, фланировали по солнечному берегу, обедали на веранде ребрышками ягненка с жареными томатами. Дети купались утром. Море все в барашках. Когда звонил обеденный колокольчик, они возвращались домой босиком, а их глаза пощипывала соленая вода. Земля горела, трескаясь от ветра сирокко. Родители считали, что ветер утомляет. Хорошо воспитанные дети ели камбалу и укладывались на послеобеденную сиесту. В дни безветрия им разрешали купаться после обеда.

У Ива появилась подруга, которую звали Симона Тронк. Ее родители поженились в тот же день, что и Матьё-Сен-Лоран, они тоже жили на плато Сен-Мишель. Симона родилась 30 июня 1936 года. Ив и Симона – близнецы по душевному родству. В Трувиле их дома стояли рядом, и каждый день в

четыре часа она вызывала его на улицу, стоя у забора. Летом шло за летом, точно истории о Серафиме, которые рассказывала красавица Ирен Аяс, подруга семьи, прозванная «Голондрина». «Ах, как мне надоели эти дети, которые так шумят, что у меня голова превращается в литавры...» – жаловалась она.

Появились новые интересы. Симона вспоминала об одной «чудесной вещи» – это старый, наполовину разбитый американский армейский плот. «Мы очень много играли на нем. Там были старые, брошенные спасательные круги. Нам очень нравились большие волны. Самое интересное было, чтобы они тебя несли, а ты изображал утопленника. Мы называли это “ехать на такси”. Так мы учились плавать».

В жизни Орана разные миры наплывали один на другой, не смешиваясь. Ив Матьё-Сен-Лоран рос в отдельном, скорее даже в выдуманном мире, равнодушный к любым новостям, местным или международным. 3 июля 1940 года во время конфликта в Мерс-эль-Кебир¹⁵, когда британский флот совершил нападение на французский, семья скрывалась в подвале своего дома. Иву было четыре года. Если не выходить за пределы семейного счастья, то можно ли себе пред-

¹⁵ Атака соединения Королевского флота Великобритании на французский при Мерс-эль-Кебire, во французском Алжире, осуществленная 3 июля 1940 г. Военные действия происходили в акватории неподалеку от Орана. Нападение было частью операции «Катапульта» и было проведено после перемирия Франции и Германии с целью не допустить попадания кораблей французского флота под контроль Германии. – *Прим. пер.*

ставить, что в это же время этот уютный и процветающий алжирский город сходил с ума от антисемитизма?! 1 мая в кафе «Риш» произошла драка между фашистами и евреями. «Огненные кресты» прошли демонстрацией по улице Арзев со свастики в петлице: «Долой жидов, не надо ждать, за нос хватать и выгонять...» Можно вспомнить, как позже, уже в 1942 году, декрет Кремьё¹⁶, дававший право гражданства евреям, был отменен. Вообще-то яхт-клуб, который посещали Матьё-Сен-Лоран, с самого начала был закрыт для людей этой национальности.

Любопытно, что позже Ив Сен-Лоран, идентифицируя себя с прустовским персонажем Сваном, не забывал напоминать окружающим, что Сван был евреем. Как истинный средиземноморец, он был привязан к родному городу, но все же его почти женская чувствительная натура испытывала, благодаря этим политическим событиям детства, особую ненависть к буржуазии, которая окружала себя подделками под стиль Людовика XV, покупала пирожные «монашка» в булочной сети «Золотой колос» и постоянно лечила печень на термальном курорте Виши.

Именно тяга к отверженным говорит о его оригинальности. Подростком в Оране он переписывал стихотворение

¹⁶ Кремьё, Адольф (1796–1880) – франко-еврейский юрист, государственный и общественный деятель. В 1870 г., будучи министром юстиции, он издал «Декрет Кремьё», обеспечивший полное гражданство для евреев во франкоговорящей общине Алжира. – *Прим. пер.*

Жака Превера¹⁷, с гневом говорившего о «желтой звезде жестокой человеческой глупости», которая «омрачает самую нежную розу на улице Роз»¹⁸. «Ее звали Сарой или Рахиль, ее отец был шляпником или скорняком, который очень любил соленую селедку...»

История, случившаяся в Париже, в еврейском квартале Маре, заканчивалась следующими словами: «Никогда больше она не откроет окно, закрытый вагон навсегда спрятал ее...», но солнце «идет своим путем» и старается «забыть об этих вещах».

Как только появились американцы, в Оране полностью исчезли комары. Здесь мало осталось воспоминаний о войне. Квадратные кирпичики белого хлеба, банки тушенки, жвачка с очень пряным запахом и первые бутылки кока-колы. «Мы увидели красно-белые ящики! Это были переносные морозильники. С этого момента жизнь на пляже изменилась...» Где бы еще Симона попробовала бы свою первую кока-колу, кроме как в гостях у Матьё-Сен-Лоран? «Иву все было позволено», – вспоминала она.

Для оранских французов победнее война – это виноградный сахар, пироги на овсяных хлопьях, турнепс и батат на обед, пальто, которое перешивали в домашний халат. Когда

¹⁷ Превер, Жак (1900–1976) – французский поэт и киносценарист. Особенно известен его сборник «Слова» (1946).

¹⁸ Улица Роз (Розовых Кустов) и по сей день знаковая улица еврейского квартала в самом центре Парижа (квартал Маре). – *Прим. пер.*

дети войны вспоминали Францию, они думали о вкусном масле и зеленых плодоносящих лугах. Семью Матьё-Сен-Лоран не касались эти невзгоды. На их вилле царил постоянный праздник. Сюда приглашали девушек с широкой улыбкой, на джипах и в нейлоновых чулках, с ящиками виски и блоками сигарет «Лаки Страйк».

Люсьенна стала еще красивее: красные губы и сандалии на платформе. Она одевалась в черное креповое платье с квадратными рукавами, точно парижанка в Голливуде. Однажды вечером она пришпилила к своему декольте букет из ромашек, васильков и маков, вместо кольца надела черный бархатный бант с пластиковым крестиком посередине... Ив был маленьким хитрецом. «Это было в деревне недалеко от Орана. Отца не было дома, и мать решила на что-то вроде нелегальной вылазки: она отправилась на бал на американскую военную базу. Мы же, дети, тайно за ней последовали вместе со слугами: нам хотелось посмотреть, как мама танцует. Окна были высоко, одна служанка подняла меня на руках, и я увидел маму посреди бального зала...»¹⁹. Люсьенна в платье из черного крепа – это его первое впечатление о моде, он сохранил его в памяти навсегда как ценный подарок. Тридцать лет спустя он воспроизвел модель этого платья, овеянного воспоминаниями о последних счастливых днях в Оране.

Счастье прекратилось в шесть лет, когда умер дедушка.

¹⁹ *Le Monde*. Portrait de l'artiste, entretien avec Yvonne Baby, 8 decembre 1983.

Как вспоминала Люсьенна, Ив был его «солнечным лучиком». В один прекрасный день ребенок схватился за юбку матери и завопил: он впервые должен был покинуть ее. Его отправили в церковную школу, начался первый этап совершенно другой жизни. По-настоящему все началось, когда ему было восемь лет, в колледже Святого Сердца, где он остался до своего шестнадцатилетия. Выросший с сестрами, Ив Сен-Лоран до этого жил в королевстве фей. Воспоминания других людей про эти годы похожи на страницы в ежедневнике, где основные графы начерчены невидимыми чернилами.

Ив убегал туда, где взрослые не найдут. Он часто ходил в гости к Фернану Барону, своему соседу с улицы Шанзи, который был старше его на четыре года. Что ему вспоминается? «Мы придумали себе особый мир, где происходили всякие драматические события. Например, мы представляли себе, что мы аристократическая семья в изгнании, которая спасается от революции в карете. Иногда мы играли в прятки, иногда в “звонящую полночь”. Мы часто играли с его тетушкой Рене, очень ловкой и изобретательной женщиной». Была такая игра: погасить свет в комнате и спрятать в ней какие-нибудь громоздкие предметы. «Кто проигрывал, конечно, огорчался. Душевная организация Ива хорошо гармонировала с моей. Он участвовал во всем, что мы придумывали. Я что-то писал, а он рисовал на случайных листках бумаги».

Слишком много мечтаний и призраков, слишком много

тайных змей в голове. Ив был похож на ребенка без возраста, который играет в ребенка, чтобы успокоить взрослых. Такой чертенок, даже не слишком добрый, но умевший составлять потрясающие букеты цветов и проводить почти весь четверг за перелистыванием журнала *L'Illustration*, самого любимого журнала в провинциальных семьях, у его родителей была полная коллекция.

Этот одинокий мальчик рисовал королев и принцесс. Казалось, его ждет слава. Директор школы изящных искусств Орана Альбер Мульфен руководил по четвергам кружком из пятидесяти детей, выходцев из квартала Сен-Мишель, которые учились рисовать по гипсовым муляжам. В 1992 году 86-летний профессор вспоминал: «Каждый год в большом актовом зале Дворца изящных искусств мы устраивали выставку учеников школы. Мадам Бертуен-Мараваль, постоянный завсегдатай этих показов, сказала мне однажды: “Вы знаете малыша Матьё-Сен-Лорана? Он придумал необычайный белый цвет”. Действительно, он добавил порошок серебра в гуашь, что говорило о его сообразительности, изобретательности и элегантности. Правда, меня смутило, что его работа должна была висеть в рамке из венецианского стекла, когда рисунки других детей были прикреплены простыми кнопками».

Люди казались ему одновременно близкими и чужими. Как будто он, нежный и пылкий, проходит мимо, а они ласкают его мимоходом. В Трувиле сентябрьские грозы подарили

новые игры: «Лжец», «Мистигри», «Канаста» и, прежде всего, «Монополия». «Я помню, – рассказывала Симона, – бесконечные партии “Монополии”. Мы играли целыми днями. Голубые карточки с названием улиц Вожирар и Лекурб вызывали у нас презрение. Мы считали, что это “*ran*”²⁰ – ерунда, посредственность. В Оране женщина-*ran* – это дама без стиля и шика». Ив в шутку забрасывал окна соседей картошинами, разрезал ножницами платья матери, чтобы смастерить куклы из их обрезков...

Ив был окружен преданной привязанностью близких. «Никто его никогда не беспокоил. Он сам звал нас, когда мы были ему нужны. Это так и осталось». То он придумывал смешные истории, то наряжал свою младшую сестру Мишель, сажал ее в гостиной спиной ко входу и уверял мать, что это какая-то герцогиня пришла нанести ей визит. Иногда он был мрачен, но никто его не порицал за это. Однажды ночью мать тайком проникла в его комнату, чтобы выкрасть старые штаны для гольфа, с которыми он не расставался. Иву и Люсьенне всегда было весело вместе, как людям, которых сближает замкнутость и необщительность: они говорили о незначительных вещах, проверяли друг друга, как бы заставляли друг друга врасплох по поводу какого-нибудь незначительного секрета, будто он вот-вот разобьется, как венеци-

²⁰ Музыкальный стиль, появившийся впервые в Оране в начале 1930-х гг., представлял собой соединение традиций арабской народной музыки, песен бедуинов-пастухов (берберов) и некоторых французских, испанских и африканских стилей. – *Прим. пер.*

анский хрусталь, от внезапного признания. К тому же Люсьенна разделяла с сыном увлечение всякими глупостями. У них была такая игра: нужно было испугаться, глядя на портрет барона де Мовьера, который пристально смотрел на них, и бежать, будто он преследовал их взглядом во всех комнатах. Однажды произошло то, что должно было произойти: Ив бросил дротик и выколол барону глаз. Тут же они бросились к мастеру Жаку Абекассису.

– Сделайте что-нибудь, – попросила Люсьенна.

– Но это невозможно, надо отправить его в Лувр!

– Что вы! Мой муж скоро вернется. Надо починить картину. Посмотрите на того, кто это сделал!

Впервые в жизни Ив спрятался за дверью, красный от стыда.

Вот Иву уже двенадцать лет. Париж – это город, о котором он узнавал все подробности каждый четверг из газет большого книжного магазина Мане. Читая *Vogue*, он проглатывал все рецензии о премьерах, серию «Париж оживает», фотохроники Андре Остье²¹, который появлялся на балах и танцевальных вечерах вооруженный камерой «Хасельблад». «Пятничные вечера в Опере привлекали совестливых меломанов и платья фру-фру²². Накрахмаленные жа-

²¹ Остье, Андре (1906–1994) – французский фотограф, известный своими портретами художников и фоторепортажами о парижской жизни.

²² Платья с пышной сборчатой нижней юбкой из шелковой тафты, издающей при ходьбе характерное выразительное шуршание.

бо роились вокруг новых воспитанниц». Страницы пестрели акварельными рисунками: *Eteignons tout* Франсуа Вийона, *Divine d'Opce*, *Vous seule* Пьера Дюна. Рассказывалось то о таинственных парфюмах русских князей, то о змеях из красного золота, то о чулках с хрустальным отблеском; и в особенности о вечерних платьях, расшитых звездами; о светских секретах, о длинных черных перчатках, о поцелуях под названием «Капуцинка», «Извращенец», «Смущение». Париж вновь обрел свою неподражаемую элегантность и был одет в изящные туфли, цветы и перья. «Корсеты и китовый ус» – рисунок Хорста; «Женщина на балконе» – Блуменфельда. Фотографии были похожи на картины. Мир моды – это большая сцена, где появляются костюмы – «мнимые признания» в виде кисеи и костюмы-«дневные посетительницы» в черных пиджачках.

«Видели в отеле “Ритц” в полдень» или «Было замечено в театре Елисейских Полей»: если следовать за линиями рисунков Рене Грюо²³, можно было начертить маршрут прогулки по городу, где каждый час вас ожидало обольщение. У женщин всегда были трудно запоминаемые фамилии, и они курили сигареты «Честерфильд». Им полагалось иметь частных дизайнеров и мигрень. Прежде всего, это был контингент американок, которые изгалялись в сочинении своих родословных. Их мужья любили красивые предметы и моло-

²³ Грюо, Рене (1909–2004) – известный французский художник, иллюстратор модных журналов, в том числе *Vogue*.

дых артистов и артисток. Точно под аккомпанемент «арии с жемчугом» из оперы Гуно, украшенные сиянием драгоценностей, они заполняли своей молодостью и жизнерадостностью гостиные в стиле Людовика XV, затянутые в небесно-голубые шелка. В их особняках XVIII века торжествовала роскошь, свет люстр падал на серебряные приборы с выгравированным королевским гербом.

Затем наступала очередь театра. Люди этого мира бледны и угрюмы, как Жан-Луи Барро²⁴ в «Гамлете», гнев в этом мире прекрасен, счастье голубое, окна никогда не открываются, птицы, нарисованные и плоские, во дворцах не больше трех колонн, но эти дворцы огромны.

Париж, несомненно, – прибежище чудес. Он был похож на золотое облако, парящее над обыденной жизнью. Роскошная жизнь в этом городе расцветала в таинственной парижской ночи, полной фейерверков. Новый шиньон от Диора вызвал скандал, возбудил критику. Конечно, Ив заметил это событие, несколько лет спустя он воспроизведет этот высокомерной образ, точно украденный у королевы из сказок Андерсена или у кхмерских танцовщиц в золотых головных уборах.

Под фотографией женщины в черном – рекламой Диора, автор Ирвинг Пенн, Ив прочитал рубрику «Точка зрения», составленную в восхищенных, ироничных и строгих тонах, что заставляло его мечтать: «Крайности сходятся. Смешное может задеть возвышенное и даже смешаться с ним. Кто го-

²⁴ Барро, Жан-Луи (1910–1994) – выдающийся французский актер и режиссер.

ворит “гений”, кто говорит “перебор”. Внешнее преувеличение может оказаться плодотворной идеей»²⁵. В 13 лет он говорил своим сестрам: «Однажды моя фамилия будет гореть огненными буквами на Елисейских Полях».

Но, увы, Оран – это не Париж. Там, наверное, уже каштаны в цвету, люди гуляют по улицам, влюбляются, а здесь ни одного дерева, только жара, которая сдавливает город во время сиесты. Оран состоит из восьми плато, расположенных одно над другим. Ветер налетает внезапно. Самые высокие вершины достигают 600 метров высоты, и не больше. Гора Мурджаджа замыкает собой бухту Мерс-эль-Кебир, она похожа на согнутую в локте руку. В Орane нет Касбы²⁶, но есть Негритянская деревня; нет петляющих улочек, куполов, заклинателей змей, только низенькие дома, вдоль которых скользят женщины в белом хайеке²⁷ и продавцы калентики – пюре вроде хумуса, его еще называют «мясом для бедных». Оран – это не город, где царит вкус, но в нем невозможно потеряться. «Оран – это большая круглая желтая стена, а поверх него смотрит строгое небо. Вначале ты блуждаешь по лабиринту, ищешь море, как нить Ариадны. Потом ты начинаешь кружить по гнетущим улицам, и, в конце концов,

²⁵ *Vogue, Paris, 1950.*

²⁶ Старая крепость в Алжире, где когда-то содержались рабы и пленники, среди них и великий Сервантес. Подобная архитектура встречается в Северной Африке. – *Прим. пер.*

²⁷ Традиционная алжирская женская одежда. – *Прим. пер.*

Минотавр съедает оранцев. Просто скука. Оранцы не ходят по улицам уже давно. Они согласились с тем, что их съедят. Нельзя узнать, что такое камень, если ты не был в Оране. В этом самом пыльном городе на свете царит булыжник»²⁸.

Все прочерчено, организовано, зафиксировано в рубрике «Морская переписка» в газете *L'Écho d'Oran*: каждый день публиковался список кораблей, расписание их движения, список пассажиров, уехавших на теплоходе *Sidi-Bel-Abbès*. В порту продавцы рыбы заворачивали барабульку и катрана в газету. Когда-то brave солдаты полководца Бюжо²⁹, родом из Гаскони и Руссильона, отвоевали город у Абд-аль-Кадира³⁰. Их сыновья привили апельсины и посадили виноградную лозу. Перед воротами школы их внуки дрались, валялись в пыли, похожие на ветки оливковых деревьев.

Девушки и парни ходили группами. Для всех подростковый возраст – это этап перед свадьбой. До этого встречи происходят в определенных местах: улица Арзев, киоск Гаскэ, киоск мороженого «Кармен». На девушках легкие платья,

²⁸ Альбер Камю. Минотавр.

²⁹ Бюжо, Тома Робер (1784–1849) – известный французский полководец, маршал. В 1836 г. Бюжо возглавил военную кампанию против эмира Абд-аль-Кадира в Алжире. В конце концов после продолжительных кампаний одержал верх над противником. Был какое-то время генерал-губернатором Алжира. – *Прим. пер.*

³⁰ Абд-аль-Кадир (1808–1883) – арабский политический деятель, полководец, оратор и поэт, национальный герой Алжира. Некогда эмир. Управлял некоторое время Западным Алжиром, оберегая его от французских захватчиков. Проиграв в конце концов многолетнюю борьбу за независимость своей страны, был отправлен во Францию. – *Прим. пер.*

юноши одеваются как американские актеры. В Оране, кстати, не прогуливаются, а «проходят по бульвару». Горе дезертирам, они мишени для оскорблений. Худшие – это «марикиты» (педики). До войны никто из них никогда не здоровался с друзьями-мужчинами, приходившими в гости к их матери, из страха скомпрометировать их. В Оране одиночество бросается в глаза, как черное пятно, потому что оно слишком заметно. На таких смотрят молча, и это молчание как свинец. Улица Арзев и улица Эльзас-Лотарингия – две параллельные, огромные, прямые улицы.

В семье Матьё-Сен-Лоран жизнь была полна веселья. Праздники следовали один за другим. Спрятавшись в садовых зарослях во время отдыха в Трувиле со своей подругой Мартиной Дюкро, Ив наблюдал за парочками, которые танцевали огненное мамбо. Намечтавшись вдоволь о белых телефонах и страстных вздохах где-нибудь на острове Макао, матери спрятали свои вуали и плойки. Они выпрямили волосы и надели корсеты, которые возвращали бюстам двадцатилетний возраст. Их платья больше не были воздушными, они крепко охватывали талию и поднимали грудь, что и нужно было брюнеткам. Как быстро идет время! Они не утратили своего шарма в стоячих водах супружества. Скрытные, они льстили мужчинам, умели обратить на себя внимание, каждый раз появляясь в новом туалете... «У меня было все, – признавалась Люсьенна, – лисий мех, беличий мех, скунс». Хотя здесь термометр никогда не опускался ниже нуля, она

все равно подпадала под влияние рекламы меховой фирмы *Dina Fourrures*, заказывала платье *new look*³¹ из плиссированной ткани у кутюрье мадам Бонав. Ткань была кирпичного цвета. Ив восхищался красотой матери, особенно, когда видел ее танцующей в платье из легкого тюля, усыпанного белыми пайетками. Настанет день, когда он вернет жизнь этому поэтическому видению...

Она приводила его с собой в ателье *Promé Couture* на улице Эльзас-Лотарингия. Салон находился на втором этаже, где девушки из города Рио-Саладо вырывали друг у друга новые модели. Привлеченная славой Диора, фирма *Promé Couture* купила право воспроизводить его модели, такие как платье *Maxim's*, которое подчеркивало формы этих «гитан», изображавших маркизу Помпадур в казино в Канастеле. Слишком богатые, слишком напудренные, они напоминали неприличных женщин, читавших романы о запретной любви. Интересно, как они фланировали на своих шпильках в сорокаградусную жару. Позже, в 1950 году, в кинотеатре «Колизей» будет организован конкурс «Оранская Кармен». Это были времена, когда персонаж Кармен, надменный и дикий, появился на экранах кино. Сразу после фильма «Джильда» Рита Хейворт³² снялась в картине «Кармен и ее любовь» с Глен-

³¹ Элегантный, женственный, романтичный стиль одежды, предложенный Кристианом Диором в 1947 г.

³² Хейворт, Рита (1918–1987) – американская актриса и танцовщица, одна из наиболее знаменитых звезд Голливуда 1940-х гг.

ном Фордом³³ и очаровала Оран.

Люсьенна вспоминала, что мужья этих богатых женщин были не такими уж смешными. «Стоит одному купить супруге фортепиано, как другой покупает два фортепиано...» Зачем им фортепиано?! Когда колонисты возвращались в Париж, они слушали шансонье. В Орane под словом «культура» понимали пшеницу, вино и апельсины. Оран не любил интеллектуалов, он любил зрелища. Особенно женщины были падки на это. Даже если они могли забыть название спектакля, то никогда не забывали, во что они были одеты в тот или иной вечер.

Каждое воскресенье Люсьенна Матьё-Сен-Лоран водила своего сына в Муниципальную оперу. Там исполняли весь основной оперный репертуар XIX века: «Аида», «Тоска», «Кармен», «Вертер», «Риголетто»... а еще венские вальсы и оперетты на Рождество: «Веселая вдова», «Песня любви». Оран был транзитным пунктом театральных трупп в Северной Африке перед Алжиром, Боном и Константиной. Дюк Эллингтон выступал в Орane в июле 1947 года. В декабре этого же года девушки города приходили в экстаз на концертах Ива Монтана. Он выступал в «Колизее» и пел: «Мне нравится тебя целовать, потому что я люблю ласкать твое маленькое двадцатилетнее тело...» Пианисты-виртуозы, испанские звезды эстрады, певцы, труппы первого класса (Жан

³³ Форд, Гленн (1916–2006) – американский актер, удостоен звезды на Голливудской аллее славы.

Вебер из *Comédie-Française* приезжал в Оран с «Орленком» Эдмона Ростана³⁴). Все они останавливались в «Гранд-отеле». Воскресный выпуск *L'Écho d'Oran* посвятил целую страницу рубрике «Театральные слухи», которую вел некий Суфлер, а еженедельные рецензии были подписаны псевдонимом Щепотка соли. Снова вернулся старый стиль: актеры «необычайны», их игра «восхитительна», они увлекают публику в «вихрь удовольствий» или дарят им «чудесную и романтическую историю, которая украсит ваши воспоминания».

Ив превращался в режиссера, актера, художника по костюмам, у которого есть своя публика. Она состояла из детей – его сестры Брижит и Мишель, дочка горничной Алина, Полен, сын консьержа, его кузены Патрис и Катрин. Ив открыл для себя таинственный мир, проник легкой тенью в воображаемый мир Кокто³⁵, где сверкали молнии, летали ангелы смерти и спасали талисманы... Он разыгрывал бури, рушившие деревья, а дети шатались от страха, зачарованные этим фантазером, который был похож на королеву из «Двуглавого орла» Жана Кокто. Как и королева, он ничего не боялся, кроме тишины. Эдвиж Фёйер³⁶ и Жан Маре играли эту пьесу в

³⁴ Ростан, Эдмон (1868–1918) – французский поэт и драматург неоромантического направления.

³⁵ Кокто, Жан Морис Эжен Клеман (1889–1963) – французский писатель и драматург, кинорежиссер. Одна из крупнейших фигур французской литературы XX в.

³⁶ Фёйер, Эдвиж (1907–1998) – французская актриса театра и кино, автор нескольких мемуарных книг, бесед об искусстве.

парижском театре *Hébertot*, позже она была переделана автором в сценарий и снята в 1947 году. В этом фильме есть сцена, где Станислав, одетый в кожаные тирольские штаны, падает на лестнице на спину. Ив сделал себе альбом с фотографиями из фильма, которые его отец привез из Парижа. «Мы часами смотрели на эти представления. Мы падали на кровать и на пол, как будто это кораблекрушение. Или вдруг мы оказывались в замке, где прямо из стен к нам протягивались руки. Нам было очень страшно», – рассказывала Мишель. В субботу, 6 мая 1950 года, произошло удивительное событие, окрашенное в красно-золотые тона. Ив Сен-Лоран присутствовал на спектакле пьесы Мольера «Школа жен» с Луи Жуве³⁷, игравшим роль Арнольфа (он умрет через год), и с Доминик Бланшар³⁸ – Агнессы. Это был аншлаг. Премьера спектакля состоялась в Париже в 1936 году, а затем он был показан в Швейцарии, в Южной Америке, куда Жуве эмигрировал во время войны. Занавес поднимался, и глазам зрителей представала декорация Кристиана Берара³⁹: город в перспективе, площадь, парк, фиолетовое небо, на котором

³⁷ Жуве, Луи (1887–1951) – французский режиссер, актер театра и кино. Награжден орденом Почетного легиона (1950). Умер от инфаркта на репетиции пьесы Грэма Грина «Власть и слава» (1951).

³⁸ Бланшар, Доминик (1927–2018) – французская актриса театра и кино. Награждена премией «Мольер».

³⁹ Берар, Кристиан (1902–1949) – французский художник, иллюстратор, художник по костюмам. Его модные рисунки украшали обложки и страницы журнала *Vogue* несколько лет.

были нарисованы люстры, похожие на гирлянды звезд. Где мы? Никакой исторической детали. Все скрыто в намеках, и все же это XVII век, парк Пале-Рояль, Париж. Для молодого человека эта пьеса оказалась откровением. Скупость выразительных средств, продуманная игра света, костюмы как желтые, фиолетовые, зеленые цветовые пятна – все это открыло для него мир, и это был его мир. Жуве говорил: «Режиссером становятся так же, как влюбляются». Благодаря Кристиану Берару и Луи Жуве, этим двум неутомимым искателям тени и эффектов, Ив нашел свою новую семью. Он выучил наизусть несколько сцен мольеровской пьесы. Ему открылось волшебство иллюзии.

Вскоре он вырезал из картона силуэты персонажей и одел их в кусочки старых одеял и обрезки ткани, которые дала ему белошвейка. Его персонажи двигались по сцене, он сделал ее из ящика с приклеенным изогнутым фронтоном, а на нем написал *L'Illustre Théâtre* – «Блистательный театр»⁴⁰. Это была его волшебная шкатулка. Сцена представляла собой нарисованную декорацию с канделябрами и занавесом. «Я создал, – говорил он, – целую машинерию, чтобы поставить декорации и освещение».

Однажды свечи подожгли простыни. Пожар в маленьком театре произошел во время представления «Святой Иоанны» Джорджа Бернарда Шоу. С этого момента маленькую

⁴⁰ Именно так называлась труппа Мольера до того, как перешла под покровительство короля. – *Прим. пер.*

комнатку, где был театр, заняла белошвейка. Но спектакли продолжились, на этот раз в более камерном варианте. Брижит вспоминала: «Мне было лет пять, когда он заставил меня мечтать. Я получила приглашение. Моя сестра прочитала его вслух, я была еще маленькой. Ив просил не выдавать секрет. Он дожидался, пока наши родители улягутся спать, и подкладывал нам записочки под дверь». Эти записки, написанные чернилами синего цвета на листках из тетрадей в клеточку, были адресованы дамам из парижского высшего общества. Посмотрим на одну такую записку, отосланную от имени «Ива Матьё Сен-Лорана, Высокая мода, площадь Вандом»⁴¹:

Первый список заказов мадам де Энле

1 утренний ансамбль для бутика, пуловер, юбка, сумка – 30 000 франков

1 модель из большой коллекции *Stanislas*, 70 000 франков

1 модель из большой коллекции *Shogun*, 60 000 франков

1 шляпа из большой коллекции *Shogun*, 10 000 франков

1 модель из большой коллекции *Yolanda*, 80 000 франков

1 модель из большой коллекции *Mata Hari*, 150 000

Итог он подчеркнул: 400 000 франков. Помимо довольно точного знания о ценах, этот список доказывает, насколько подраставший кутюрье вообще был осведомлен. В

⁴¹ Ив впервые убрал дефис из своей фамилии, что он и сделал окончательно в 1958 г., когда станет Ивом Сен-Лораном, – так его будет называть пресса, которая решит, что «Матьё» – это его имя. – *Прим. авт.*

это же время Эльза Скиапарелли, королева розового цвета *Shocking*⁴², эксцентричная дама, в эпоху межвоенного времени наняла на работу молодого модельера. Он создал модели блузок и юбок *Séparables*, первый отдельный вариант одежды, который занял место диоровских корсетных костюмов на подкладке. Речь идет об Юбере де Живанши, который откроет свой собственный Дом моды в 1952 году. Для молодого мечтателя из Орана Юбер де Живанши – настоящий пример, как и Кристиан Диор и Кристоаль Баленсиага⁴³, – три кутюрье, за коллекциями которых Ив внимательно следил.

И все же Ив Сен-Лоран переживал свой подростковый возраст как надрыв. «Начиная с учебы в средней школе, – вспоминал он, – я должен был вести двойную жизнь. С одной стороны, был родной дом с атмосферой веселья и мир, который я создал с помощью своих рисунков, костюмов, театра. С другой стороны, была каторга католической школы, где я был изгоем»⁴⁴. Один из его одноклассников по колледжу

⁴² Скиапарелли, Эльза (1890–1973) – французский модельер итальянского происхождения, создала свой Дом моды, первая открыла свой бутик и заложила основы того, что в будущем будет называться *prêt-à-porter*. Ввела в моду розовый цвет особого оттенка, который назывался *Shocking*. Автор мемуаров «Моя шокирующая жизнь» (М.: Этерна, 2012).

⁴³ Баленсиага, Кристоаль (1895–1972) – испанский кутюрье. В 1933 г. совместно с Педро Родригесом создал Дом моды *Else* в Мадриде, в 1935-м – в Барселоне, в 1957-м – в Париже. В 1950-е гг. его стиль был альтернативой *new look* Диора.

⁴⁴ «Ив Сен-Лоран: Я родился с нервной депрессией». Франц-Оливье Жисбер

Франсуа Катру, выходец из Маскары, вспоминал об Иве: «Он был приходящим учеником. Я заметил его во дворе: обычно все ученики из интерната были одеты в черные робы, он же носил бежевый пиджак с бордовым жилетом и фланелевые штаны. Он был похож на англичанина, жившего в Оране. Он учился тогда, наверное, в восьмом классе. На переменах он был один, стоял, прислонившись к подоконнику капеллы, ни с кем не играл, не пробовал ни с кем подружиться. Он был одиночкой».

Оран – это город, где слухи укрепляли отношения, вызвали вражду и создавали бездну страданий. Добродетель здесь тихо пряталась за внешним видом одиночества. Если вы носили часы на цепочке, вас называли «снобом»; если парень привозил из Парижа розовую рубашку, его называли «задницей». Несмотря на то что повсюду были красивые виды, препятствия ждали вас на каждом шагу. Солнце. Глупость. Прошлое. Недоверчивые отношения между разными общинами и семейная школа презрения. Счастье, которое душит. Хороший вкус. Надо пережить все это, разбиться обо все препятствия и возродиться там, с другой стороны моря. В пятнадцать лет Ив Матьё-Сен-Лоран взялся за чтение многотомной саги Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Он наверняка прочитал фрагмент из романа «Содом и Гоморра»: «Воспринимая свой порок как что-то более исключительное, чем он был на самом деле, они не реши-

лись жить в одиночестве с того самого дня, как его открыли в себе, долго нося его в себе в неведении, намного дольше, чем это делают другие». Теперь любой момент доверия, который Ив дарил кому бы то ни было, открывал всего лишь часть придуманного им персонажа. Невозможно было склеить вместе все эти части: казалось, что они сейчас рассыплются с дьявольской скоростью. У него появился нервный смех и привычка прерывать его, закрывая лицо рукой, а еще долгие минуты молчания, как будто он входил внутрь другого человека. Как герои из романтических книг, он мгновенно переходил от смеха к молчанию. Все у него было «ужасающим», «ужасным» или, наоборот, «чудесным».

В эти годы его комната напоминала кабинет грез. «Всегда в поисках поцелуя – таким ты будешь. О, да!» – написал Сен-Лоран под красно-черным рисунком в манере Кокто. Два профиля едва касаются друг друга, закрыв глаза. Волосы мужчины похожи на молнии, волосы женщины – на облака. Ив накрыл свою постель в стиле ампир тканью в виде шкуры пантеры и повесил занавеси в алькове. Так была обозначена его оригинальность. Как найти себя в будущем, которое буржуазия заготовила для своих детей? Журнал *Elle* опубликовал в 1948 году три формулировки: «Если у женщины вздернутый нос, она склонна к флирту... Мужчины с толстыми бровями брутальны... Толстые мужчины – обычно хорошие мужья. Они добродушны, веселы, общительны и уравновешенны. Любимец дам и Голливуда, худой и высо-

кий мужчина – как правило, нервный субъект, склонный к меланхолии».

В своей комнате Ив подолгу рисовал акварелью жанровые сценки, которые происходили, как он воображал, в «Мулен Руж»: мужчина в смокинге с нафабранными усами хвалится своими дамами: «маленькая блондинка с круглой грудью»; «надменная красивая брюнетка»; «рыжеволосая кошка со стройным телом и красивыми ножками!». Ни один кокетливый жест не укрылся от его наблюдательного взгляда. Все они обнаженные, в бижутерии и черных чулках, с бюстами русалок и ногами кинозвезд в красных сандалиях. Они виснут на мужчине, раздетом до штанов. Он двойник Ретта Батлера⁴⁵, грудь колесом, в вырезе рубашки виден клочок черных волос, широко расставленные ноги и подпись: «Ты будешь Дон Жуаном». Ив придумывал истории с неверными женами, рисуя «уродливых, старых, богатых и высокопоставленных мужей» и всегда «красивых, молодых, но бедных и из рабочей среды» любовников. Жена в этих историях часто одета в красное нижнее белье, она отодвигает лиловый занавес, задевая лысый череп мужа, который смотрит на белокурого любовника в рубашке. «Все женщины – каналы, кроме тех, которых любишь!» А вот обнаженная женщина в кроваво-красном алькове с черным распятием на стене и стихами:

⁴⁵ Персонаж и один из главных героев романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром».

Я знаю, что ты будешь искать
Белые и гладкие тела своих любовниц,
Но не торопись сразу
Превращаться в садиста.
Потому что иначе никто
Не выберет тебя в любовники.

В своих больших школьных тетрадях, где сам чертил карандашом линейки, школьник Ив переписывал черными чернилами «Капризы Марианны», пьесу Альфреда де Мюссе, а красными – «Мадам Бовари» Гюстава Флобера. Эта изменница, неверная жена, измученная скукой провинциального городка, хотела только одного: «жить в Париже или умереть». Для мальчика это была роковая книга. Позже все в жизни и профессии Ива Сен-Лорана будет связано с этой книгой.

Вот на рисунке мадам Бовари, одинокая, в широком белом платье, которое падает волнами вниз. Она стоит спиной к мужчине, тот изображен в синих тонах как иллюзия. Его одежда сливается с решеткой сада, точно она из кисеи. Ив нарисовал еще одну любовную встречу, проходившую под козырьком лавки господина Лере, «продавца тканей». Мерзкий коммерсант в очках шпионит за влюбленными. На другом рисунке он разорвал на мадам Бовари платье, и она восклицает: «Вы нагло пользуетесь моим несчастьем, мсье. Я достойна жалости, а не выставлена на продажу!» Как и сага

«В поисках утраченного времени», «Мадам Бовари» станет для модельера источником вдохновения и идентификации. Сначала юный художник был занят костюмами, декорациями, окружением и маленькими туфлями мадемуазель Эммы Бовари, «ее слишком возвышенными мечтами и слишком маленьким домом». Он режиссировал эти сцены на своих акварельных рисунках, детально и тщательно прорабатывал, как мечтатель, который закрывает глаза, чтобы лучше видеть желаемое: «На ней было платье из шифона бледно-розового цвета, которое подчеркивали три веточки кистевых роз с зеленью». Он рисовал пером поразившие его воображение сцены. Например, сцена в замке Вобьессар в вихре платьев, белых перчаток и причесок. Каждый рисунок – это небольшой срежиссированный спектакль, где есть влюбленные, обнимавшиеся в глубине мрачного пейзажа, и мужья, игравшие в карты в залах, похожих на декорации, с драпировками и канделябрами. Иногда встречалась театральная ложа, перчатки, лежавшие на цилиндре, и повсюду изображение звездной ночи. Каждая сцена становилась зримой благодаря разным фасонам платьев героини. «Люси шла вперед, поддерживаемая женщинами, с венком апельсиновых цветов в волосах, и была еще бледнее, чем белый атлас ее платья»⁴⁶.

Другая важная для подростка «встреча» – это знакомство с персонажем Скарлетт О’Хара, героиней романа «Унесенные ветром». Он использовал бумагу кансон и складывал ее

⁴⁶ Густав Флобер. «Мадам Бовари».

под формат театральной программки. На этих листочках он воспроизводил цвета и ощущения: черное платье посреди бала, белое девственное платье с зеленым поясом. Зеленый – цвет Скарлетт, а красный и фиолетовый – цвета Белль, гуляющей женщины с большим сердцем...

Ив писал стихи, создал стихотворение «Зачем говорить о любви?» на тринадцати страницах, на каждой странице – иллюстрация: потрясающие женщины, одна из них, одетая в розовый корсаж, обмахивается рукой в бежевой перчатке, или вдруг рыжая девушка бросает пламенный взгляд из-под шляпки с розовыми перьями. На следующей картинке женщина в вуали легче, чем крылья бабочки. Эти хрупкие тела с маленьким бюстом, например Анни в черных длинных перчатках, – все они похожи на иллюстрации Жан-Габриэля Домерга⁴⁷.

Сен-Лоран создавал также пародии на произведения Фудзиты⁴⁸ и Утрилло⁴⁹. Недавно Муниципальная галерея искусств Орана посвятила им большую выставку. Но Домерг повлиял на него все же больше. Парижский иллюстратор

⁴⁷ Домерг, Жан-Габриэль (1889–1962) – французский художник, специализировавшийся на женских портретах.

⁴⁸ Фудзита, Цугухару (1886–1968) – французский художник и график японского происхождения. Создал свой собственный стиль, объединив в своем творчестве приемы японской живописи и гравюры с традициями европейского реализма.

⁴⁹ Утрилло, Морис (1883–1955) – французский живописец-пейзажист. Награжден орденом Почетного легиона (1929).

считал себя изобретателем стиля *pin-up*⁵⁰. Поселившись в Париже в начале XX века, Домерг рисовал актрис, любовные истории, персонажей комедии масок и герцогинь в венецианских гондолах. Лишь в начале 1940-х годов он запустил серию портретов, в том числе эротических, создал образ идеальной парижанки. «Я не люблю стандартную женщину, даже если она красива, – говорил Домерг. – В нашей стране, когда вы женитесь на женщине, то женитесь на целом гареме. Стоит вам покинуть ее на несколько часов, как на ее месте вы найдете совершенно другую женщину, незнакомую. У нее множество лиц, она полна фантазии и непредвиденного поведения. Она изменяется ежеминутно, меняются взгляды, настроения, туалеты, макияж, прически, цвет волос и чудесные шляпки, которые она так шикарно умеет носить. Сегодня она маленькая девочка, завтра – важная дама, то она сентиментальна, то ведет себя по-мальчишески»⁵¹.

Женщина. Для Ива магия этого слова не вызывала в воображении телесную борьбу, чувство обладания, а скорее ритуал ухаживания, некое желание, которое выше удовольствия обладать. В своем стихотворении «Зачем говорить о любви?» он написал:

Будет много у тебя красавиц,
Ты упьешься лаской их и голосами.

⁵⁰ Изображение красивой женщины, часто полуобнаженной.

⁵¹ Gérard-Louis Soyier. *Jean-Gabriel Domergue, L'Art et la Mode*, Paris, 1984.

Но однажды от тебя они уйдут,
И любовь к тебе другие принесут.
Но не будь любовником замужних,
Адюльтер лишь оскверняет нас...
Будешь губы красные искать не раз,
Это будут то блондинки, то брюнетки.
В мире их присутствие не редко.

Сердце подростка воспламенялось при чтении любовных романов, которые публиковал журнал *Elle* каждую неделю, где всегда происходили отчаянные события, а женщины были очаровательны и недоступны. Он знал, что предмет его любви никогда не будет носить имя Каролина или Антуанетта.

Помнишь ли ты, вон на том углу,
Незнакомку тонкую, как иглу,
Которая страстно тебе улыбнулась,
Улыбка тебе приглянулась!
Ты от этого был взволнован,
Незнакомкою околдован.

Это ослепительное и нежное видение – возможно, это Люсьенна, его мать, она приходила поцеловать его перед сном, одетая в вечернее платье, собираясь на светский вечер. Разве не она первая позировала ему для его портретов? Ее губы, ее глаза, ее походка как никогда напоминали Даниэль Дарьё, которая недавно вернулась на большой экран. Теперь Дарьё

– уже не наивная мадемуазель Моцарт или Маря Вечера из фильма «Майерлинг», теперь она мадам Бовари из нашумевшего в 1950 году фильма Макса Офюльса «Мадам де...», ее партнером был Шарль Буайе. Все женщины спрятаны в одной. За женскими восклицаниями и их маленькими обманами Иву были видны тайные слезы буржуазии. В его набросках чувствуется и другое влияние: это образы обольстительных звезд французского кино. В одной и той же женщине можно было встретить Мишель Морган⁵² из фильма «Гордецы», Мишлин Прель⁵³ в шляпке из фильма «Дьявол во плоти» и Симону Синьоре в яшмовом ожерелье из фильма «Золотой шлем». Это портреты любовной неги, сопровождавшей образ парижанки, этаким милашки, которая никогда не теряет из виду свою выгоду. Хитра! На этот счет Ив не обманывался:

Женщины любят мужчин,
Нет, не за нежность,
За их состояние.

Тонкие очки прятали от солнца матовое лицо. «Он был выше остальных, отличался умением подавать свою внешность. Было такое впечатление, что он скрывал свой рост. Он немного сутулился и был вообще очень робок, но эта ро-

⁵² Морган, Мишель (1920–2016) – французская актриса театра и кино, легенда французского кинематографа.

⁵³ Прель, Мишлин (р. 1922) – французская актриса и певица.

бость была сродни гордости!» – вспоминал один из его ровесников. На пляже Ив часто был одет в белое, ноги в открытых сандалиях-эспадрильях. Он загорал, плавал, иногда играл в теннис. Юноша был очень худым. Матери других детей его обожали, все хотели, чтобы он нарисовал их портреты в стиле Домерга. Они приходили к нему в юбках и кофточках-баядерках, со своим собственным холстом. «Ну что, ты сделаешь мой портрет?» – просили они. Ив рисовал их десятками, и дамы вешали их в своих гостиных. «В такие моменты о нас забывали», – вспоминала сестра Мишель. Возникает ощущение, что все подруги детства были влюблены в Ива, и в один прекрасный день они превратились в девушек. Симона вспоминала: «Мы поменяли ползунки на шорты». В Ороне модно все. Город одевался либо в рейтузы-корсары, одежду сицилийских рыбаков, которые шнуруют под коленом, или в короткие свитера, или в хлопок, он так хорошо притягивал средиземноморское солнце. С первыми декольте в Ороне началась эпоха шаловливого корсажа. Бюстгальтеры тоже существовали, их называли *Getien*⁵⁴.

Это было время первых тайных вечеринок, первых флиртов. Ив и Симона научились танцевать самбу. Если сиесту никто не отменял, то все же можно было жевать розовую жвачку «Базука» и делать из нее пузыри, и наконец-то юнцы получили разрешение на полночные прогулки. Особым развлечением считался поход в кинотеатр «Нептун» в Буиссе-

⁵⁴ Фамилия производителя женского нижнего белья. – Прим. пер.

виле. Кинотеатр был под открытым небом, с немного пыльным экраном и танцующими фонтанами в антракте. «Мы ходили туда пешком с фонариком. Это было в десяти минутах ходьбы. Самое главное, что не всем разрешали туда пойти. Ему разрешали всегда, а я должна была всякий раз умолять родителей отпустить меня. Дорога шла мимо казино, строительство которого приостановили из-за нехватки денег. Оно было похоже на огромную меренгу, которую уронили посреди ночи. Здесь поселились арабские семьи, они жили здесь запросто со своими курами. Дверей там не было. Видны были только тени людей. Нам всегда было страшно. Собаки лаяли. Нам абсолютно нечего было бояться, но наш страх – это был ритуал, он дарил нам ощущение приключения», – вспоминала подруга детства Ива Сен-Лорана. В кинотеатре «Нептун» они впервые узнали, что такое рапиды и медленные планы из фильма Хичкока «Дурная слава», где Кэри Грант и Ингрид Бергман сливаются в самом длинном поцелуе за всю историю кино.

Подруги Ива считали, что он как бы перешел на другой берег. Теперь он был увлечен парижским кварталом Сен-Жермен-де-Пре, где жили юноши с философской художью, одетые в черное и танцующие би-боп⁵⁵ в прокуренных подвалах. Он создал свой Париж экзистенциалистов в домашнем гараже, который назвал «Единорог». Лето 1951 года. На бе-

⁵⁵ Джазовый стиль, сложившийся в 1940–1950-е гг., с характерным быстрым темпом и сложными импровизациями.

лых изветковых стенах Ив нарисовал бородатых музыкантов и балерин, проживавших в отеле «Монтана», логове певиц Жюльетт Греко и Аннабель. Линия рисунка стала тверже, точные детали сочетались с юмором, начиная с наклона щиколотки и заканчивая крышами Парижа. По стене гаража летели нарисованные музыкальные ноты. Здесь энтузиазм смешивался с насмешкой, чувствительность – с цинизмом, мечтательность – с реальностью. «Над спящим городом парит гений экзистенциализма, лукавый и оболстительный...» Вот бешеная корова, а рядом парочка подростков, слившихся в порыве любви, и одинокая муза. Под рисунком Ив написал отрывок из стихотворной книги Жака Превера «Слова»:

Три спички, зажженные ночью одна за другой:
Первая – чтобы увидеть лицо твое все целиком,
Вторая – чтобы твои увидеть глаза,
Последняя – чтобы видеть губы твои
И чтобы помнить все это, тебя обнимая потом,
Непроглядная темень кругом.

В этом гараже Ив организовывал вечеринки, у стойки бара гостям наливали оранжад в большие стаканы. Девушки красили губы помадой «Красный поцелуй», чтобы привлечь мальчиков, которых они не решались поцеловать, и мечтали о других парнях, по фамилии Бенгиги или Бунан, кто бродил по песку Буиссевиля и Парадиз-пляжа и надеялся на общение с такими благопристойными девчушками, воплощав-

шими для них Францию. Девушки Орана подстригали себе волосы в стиле Дани Робен, сыгравшей кокетливую юную цветочницу в фильме «Дешевые фиалки». Журнал *Elle* посвятил отдельную страницу для объявлений девушек, искавших подруг: «18-летняя девушка ищет французскую знакомую для переписки, студентку, как и я. Я не люблю Тино Росси, дисциплину и вообще все, что нравоучительно и скучно. Люблю книги, кино, театр и современную музыку». Эти объявления подписывались псевдонимами – Белокурый Демон, Хитрая, Розовый жасмин.

Девушкам хотелось быть похожими на своих кумиров из известных журналов, а Иву в 15 лет даже удалось попасть в один из них. В 1951 году *L'Écho d'Oran* впервые упомянула его имя в рубрике «Слухи»: он был художником по костюмам для ежегодного праздника «Маленькая принцесса», организованного мадам Майан и мадам Медуза, руководительницами муниципального балета. Некоторые хореографические картины гала-концерта назывались «Фигуристки», «Белоснежка», «Три лыжницы». Обе сестры Ива состояли в этой балетной труппе. Мишель танцевала в картине «Снежинки и карнавал» и была одета в кисейную тунику с атласными полами, а Брижит изображала девушку Пепиту посреди мексиканцев, испуская громкий ритуальный крик: «Золота, золота!»

Этот хореографический вечер был похож на пестрый kaleidoscope из черных трубочистов, рабов из сказок «Тысячи

и одной ночи» и маленьких марширующих солдат. «Представление, блеск которого не42 Лоранс Бенаим возможно описать», – так описала его случайная хроникерша, пожилая дама, приславшая свою рецензию. Она хвалила «оригинальную работу молодого 15-летнего художника Ива Матьё-Сен-Лорана, который, не имея ни преподавателя, ни наставника, вооружившись лишь своей фантазией, сделал большое количество эскизов сценических костюмов, а также декорацию картины “Урок рисования” и еще две больших афиши праздника, встречавших публику перед входом в театр».

Люсьенна вырезала эту статью и вклеила ее в свою большую тетрадь по шитью с небесно-голубой обложкой. Фамилия дамы-хроникерши была отрезана. Мать написала перьевой ручкой на первой странице две размашистые буквы – «Ив».

Осенью 1952 года Ив поступил в лицей Ламорисьер, где должен был сдать экзамен на степень бакалавра философии. В отличие от колледжа Святого Сердца, это была государственная школа с солидной репутацией, где учились сыновья состоятельных родителей, школа славилась классическим преподаванием.

Лицей был расположен в конце бульвара Галльени, и казалось, что он парит над морем. Две тысячи учеников лицея подчинялись обычному распорядку французской школьной жизни: звонок в восемь часов и в час тридцать для приходящих учеников; перемены и даже сигареты, на которые вос-

питатели закрывали глаза. В программу уроков философии был включен вопрос о колонизации. В классе тридцать три ученика, один из них – Этьенн Тифу – вспоминал через сорок лет: «Класс состоял в основном из приходящих учеников. Двоечники и хулиганы были в серых блузах и нарочито неряшливой одежде. Приходящие ученики были при пиджаках и галстуках. Ив Матьё-Сен-Лоран одевался с некоторой жеманностью. На нем была белая рубашка в полоску с воротником, который прикреплялся концами к двум маленьким позолоченным шарикам, и маленький галстук с булавкой. Его волосы, аккуратно причесанные, могли бы казаться слишком длинными для того времени, но шея была открыта. Он сидел за второй партой в первом ряду. Я не уверен, что он испытывал особый интерес к философии, по крайней мере к той, которую нам преподавали». По правде говоря, Сен-Лоран всегда носил с собой папку с рисунками, там находились и другие рисунки, предназначенные для близких. Недавно он прочел объявление в еженедельнике *Paris-Match* о первом конкурсе рисунков моды, организованном Генеральным секретариатом шерстяной промышленности. Устав конкурса требовал, чтобы рисунок был черно-белым, размером тридцать сантиметров на двадцать, на котором должны быть представлены три вида одежды: платье, пальто, костюм. Кандидаты должны были также присоединить к рисунку образец ткани, необходимый для реализации модели, разумеется из шерсти. В ноябре Ив узнал, что получил... третий

приз. Этот успех стал поводом для статьи в газете *L'Écho d'Oran*, сопровождаемой его фотографией, взятой из паспорта. «До сегодняшнего дня, — говорил он журналисту, — я всегда следовал своему воображению, каким бы ни был жанр рисунка. У меня постоянное желание заниматься декоративным искусством, в особенности придумывать театральные декорации. Я надеюсь, что мне удастся завершить образование в Париже, чтобы я мог совершенствовать свои навыки...» Но его амбиции забежали далеко вперед: он представлял, как возвращается в Оран, завоевав столицу.

Иди, отдохни
Там, подальше, в деревне!
И вернись-ка в Париж!
Вот снова ты!
Тебе все постыло,
Как блудному сыну,
Все, что там!
А Париж усыновил тебя!
Париж, этот вечный Париж!
Снова Париж принимает тебя,
Этот добродушный Париж!
Милые женщины!
Тесные кабаре!
Как много милых женщин!
Как много тесных кабаре!

Ив наслаждался волшебным опытом предыдущих масте-

ров. Казалось, что кто-то сообщил ему по секрету, что только женщина может воплотить бесконечную щедрость жизни. Обратим внимание на слова Домерга: «Это Париж, его огни, его небо, его асфальт – все это дает женщинам особенную красоту и вдохновляет каждого кутюрье. Парижанка – это изящное и вместе с тем невыносимое существо, женщина-хамелеон, именно таких предпочитаю я»⁵⁶.

Тогда как все другие юноши примерялись к серьезным вузам или к Сорбонне, Ив мечтал о замысловатых интригах и балах, развивая в себе способность к воображению, которой обычно наделены самые трезвые люди, избегающие реальности, ее границы становятся известны им раньше многих других. Так они отдыхают от посредственности и скуки. «Забери меня отсюда! Только тебе принадлежат моя любовь и мечты», – говорила в одноименном романе Эмма Бовари. Уезжая, Ив увозил с собой ненависть к покою и добродетели, ненависть к буржуа, которые привыкли считать, что любой приговоренный по суду виновен и по-другому быть не может.

⁵⁶ Gérard-Louis Soyer. *Jean-Gabriel Domergue, L'Art et la Mode, op. cit.*

Парижское воспитание

В декабре 1953 года семнадцатилетний Ив Матьё-Сен-Лоран приехал в Париж в сопровождении матери для получения приза за третье место на конкурсе Генерального секретариата шерстяной промышленности. В своем темном костюме, еще более удлинявшем его рост в метр восемьдесят четыре, подросток ходил по городу, его план он знал наизусть. Это был Париж – «крепость, к взятию которой готовятся все юные провинциалы»⁵⁷.

Сена – моя сестра.
Как я вышел на свет
Из утробы своей матери,
Так и она каждый день
Из утробы земли возникает, —

написал Сен-Лоран в Оране. Сена дрожала от озноба в своем серебристом пальто, а Ив мечтал об алых осенних опавших листьях, о сумраке и грозе. Париж – это свобода, далеко от жесткого света Орана. Там шум кофеварок, запах жареных каштанов, автобусы с платформой.

Это был его первый серьезный выезд, он никогда не проводил каникулы дальше Трувиля, кроме нескольких визитов

⁵⁷ *Оноре де Бальзак. Потерянные иллюзии.*

к кузенам в Маскару или к своей прабабушке в Санд. Сен-Лоран мечтал раствориться в объятиях этого города, он так желал его увидеть, этот недостижимый Париж, о котором рассказывала Виолетта Ледюк в журнале *Vogue*: «Париж в платьях и пальто, которые заметны в моих статьях и не заметны на улице»⁵⁸.

Ив построил свой мир из воображаемых замков, где королевы прятали свою боль за вуалью. Унизительные воспоминания преследовали их и делали еще более красивыми и загадочными. Женщина, которую он не переставал рисовать, жила в декорации, где все решали портьеры и канделябр: палевая лепнина контрастировала с малиновым цветом платья. Самое притягательное в моде – «ее роскошная правдивость», как писал журнал *Vogue*, это видно в трех видах платьев: платье для гала-концерта, сценическое и платье для будущего портрета его обладательницы. Например, вечернее платье для гала-концерта, «романтическое и сказочное», созданное Кристианом Диором: волну тюля сдерживают розы, каких никогда не было на свете.

У Сен-Лорана был нюх путешественника, он начинал знакомство с городом с кафе, куда будет приходить ежедневно. Молодые выходцы из Орана готовились обычно к встрече с Парижем как к рукопашной схватке с публичной девкой. Все они появлялись на бульваре Сен-Жермен, заказывали сэндвич с ветчиной «Париж с маслом» и заигрывали со

⁵⁸ *Violette Leduc, Vogue, Paris, 1953.*

студентками, приехавшими на мопеде. Потом они говорили друзьям, что «они доступные», с тем же выражением лица, с каким их родители обычно рассказывали: «Лувр – это хорошо, но в нем слишком много картин!»

Ив подготовился к путешествию как к завоевательной кампании, которая требует решительности, но без рвения, а также искусства поведения, чем он владел во всех тонкостях. Наверное, робость, сдерживавшая его, не позволяла ему пойти обливаться потом в танцевальном клубе «Табу» на улице Дофин, как это делали остальные. Здесь растрепанные экзистенциалисты танцевали буги-вуги под звуки трубы Бориса Виана⁵⁹. Разве он теперь не легенда?!

Париж с картинок журнала *Vogue* предстал перед Ивом за красным театральным занавесом на площади Вандом, напротив особняка «Ламбер». Во дворе отеля, превратившегося в балльный зал, канделябры освещали женщин удивительной красоты. 3 сентября 1951 года фотограф *Vogue* Андре Остье переносил Ива из своего фоторепортажа на глянцево́й бумаге, точно на гондоле, в Венецию, на бал миллионера Шарля де Бестеги во дворце Лаббиа. Кристиан Диор в сотрудничестве с Сальвадором Дали создал костюмы великанов. Патриция Лопес Вилшоу⁶⁰ выходила из большой лод-

⁵⁹ Виан, Борис (1920–1959) – французский прозаик, поэт, джазовый музыкант и певец. Автор модернистских эпатажных произведений, ставший после смерти классиком французской литературы.

⁶⁰ Супруга богатого чилийского коллекционера и мецената Артуро Хосе Вилшоу.

ки в платье, созданном по мотивам гобелена «Путешествие китайского императора». Леди Диана Купер выступала в роли Клеопатры, а художница Леонора Фини порхала по залам дворца в костюме черного ангела. Ив открыл для себя Венецию в мрачных масках времен Казановы, точно следовал за одной из куртизанок с картины Карпаччо. Сен-Лоран ворвался в парижскую жизнь с широко распахнутыми глазами, как он входил в большие кинотеатры Орана, где дети мечтали унести с собой те образы, которые им пообещала кассирша. Там, на экране, показывали безжалостные битвы и роковые поцелуи. Достаточно вспомнить Бетти Грейбл⁶¹ в фильме «Эта дама в горностае» или соперничество двух мужчин за Джоан Кроуфорд⁶² в картине «Жена или любовница». Сколько воспоминаний!

Он находил похожие страсти на фотографиях вечеринок в квартале Сен-Жермен, которые он вырезал из газеты *Samedi Soir*. Достаточно было прочесть содержание журнала *Vogue*: «Дождь в городе», «Приглашение в замок». Ив вырос с мыслью, что мода – это костюм, а театральный костюм, как говорил Кокто, показывал зрителю «нерв моды»⁶³.

Когда-то он познакомился с черно-белыми фотография-

⁶¹ Грейбл, Бетти (1916–1973) – американская актриса, певица, танцовщица. Установила в свое время своеобразный рекорд – 12 лет была самой кассовой актрисой.

⁶² Кроуфорд, Джоан (1908–1977) – американская актриса, соперничавшая по популярности с Марлен Дитрих и Гретой Гарбо.

⁶³ Jean Cocteau, *Le Passé défini*, 1951–1952.

ми Хорста и Ирвинга Пенна⁶⁴. Эти мастера были способны сделать из своей фотостудии ложу театра, где женщины становились похожими на видения. Он уже знал, что такое людское жужжание в антракте, легкий шорох тафты и шуршание тюля. Ив мечтал об аромате духов женщины в черном, об ангелах и хулиганах.

Для него жить – это, прежде всего, бороться с видениями, которые позже составят фон его творчества. Тогда как другие позволяли украсть у себя сны и мечты, он их бережно хранил, иногда возвращался к ним. Его сны и мечты – это его ангелы. Карта жизни знаменитостей была ему близка так же, как план метро, где он уже хорошо ориентировался, рассеянно протягивая кондуктору свой билет, прежде чем подняться в красный вагон первого класса.

Увлеченный вихрем праздника,
Ты проведешь там лучшую часть своей жизни!

Он говорил об этом так, точно уже пережил все разочарования жизни. В Оране, когда ему было тринадцать лет, Ив писал:

Как ты счастлив!
Тебе ничего не нужно.
У тебя есть все! Богатство,
Красота, юность.

⁶⁴ Известные фотографы, портретисты, работали в журнале *Vogue*.

Как хорошо, что это так.
Но от этой жизни
Ты уже устал.
Она больше тебя не радует!

Он знал, что высшее общество живет в тех хороших кварталах, которые были на зеленых карточках «Монополии». У этого общества по-прежнему был вкус к наречиям (для них художник может быть «чудовищно одарен»), вкус к природе (остров Сен-Луи для них «потрясающе живописен») и тяга к живописи. Там уродливые женщины чаще всего довольно интересны, а наиболее красивые обладали особым даром заставлять гостей забыть, что они выросли не в тех частных особняках, где их принимали. Но почему никто и никогда не произносил дворянскую частицу «де»? Почему принято было говорить «семья Ноай», «семья Ларошфуко»? Настоящий парижанин сразу же распознает своего. Ив знал распорядок дня эlegantных семей с правого берега Сены: в одиннадцать утра – прогулка в Булонском лесу в бобровом полушубке; в пять часов – встреча в отеле «Ритц»; в шесть – вернисаж в галерее Шарпантье; в восемь – спектакль в театре Елисейских Полей.

Его честолюбие начертило план судьбы, который он придумал себе наподобие романа. У него был тонкий и ровный почерк, слова аккуратно ложились на линиях, прочерченных черным карандашом.

Светская жизнь! Светская жизнь!
Надо тебе к ней привыкнуть.
Без светской жизни не сможешь жить,
Она важна, поверь.
Ведь не только женщины
Должны занимать место
В твоей большой душе.
А еще первые танцевальные вечера!
Первая победа на любовном фронте!
А спектакли?
Завтра вечер в Гранд-опера!
В понедельник – экзотическая вечеринка у Порфирио
Рубирозы⁶⁵.
Во вторник – высшее общество Парижа обедает в
ресторане *Maxim's*.
В среду – коктейль для *La Belle que voilà*⁶⁶,
В четверг – гала-концерт в Союзе артистов.
В пятницу ты приглашен к Анне де Бурбон-Пармской⁶⁷,
В субботу – костюмированный бал на тему:
«Басни Лафонтена». Маски
Выполнены Антонио. Воскресенье:
Ты спишь. Достаточно всего было за неделю.

⁶⁵ Рубироза, Порфирио Ариса (1909–1965) – доминиканский дипломат, автогонщик и игрок в поло. Получил международную славу плебоя благодаря своей активной светской жизни и успехам у женщин. Среди них были богатейшие женщины мира.

⁶⁶ Французский фильм режиссера Жана Поля Лешануа (1949).

⁶⁷ Бурбон-Пармская, Анна (1923–2016) – супруга бывшего короля Румынии Михая.

На другом берегу Сены парижане были больше похожи на хамелеонов: то они на грани большого заработка, то на грани нищеты, между любовью и самоубийством. Они получали свою корреспонденцию по адресу отеля, ужинали в городских ресторанах, вечеринки закатывали в кафе. Богачи одевались бедняками, а бедняки – подобно принцам. Каноны красоты здесь были жестче и мрачнее. Писатели, которые печатались в журнале *NRF*, театральные деятели, студенты, старые члены Французской академии, женщины-музы с резкими чертами лица – вот кто держал оборону цитадели левого берега Сены.

Жизнь художника привлекала Ива как тема для своих набросков и текстов, где он рассказывал о «бродячем и вольном лучике, спал под мостом у реки или же где получалось». И тон, и стиль далее меняется: «Он бросается в воду, и приезжают пожарные». Еще в Оране подросток думал о парижском сплине:

А Сена течет своей дорогой
И проходит под мостом Сен-Мишель,
Откуда далеко видны
Архангел и демон, и разлив реки,
А перед ними проходят они: старая фабрикантша
ангелов,
И несчастный бойскаут, и грустный толстяк,
У которого мизерные сбережения.

Ив всем сердцем тянулся к богеме и уже знал, как влекут «старые ящики букинистов». Он рисовал фонари, холодные набережные и уличных мальчишек в рваных штанах и тельняшках. У них были такие красивые руки и ноги, что казались танцорами, переодетыми в клошаров, и, кстати, один из них в маске. Он танцует рядом с красавицей с бледным лицом. Значит, он и есть то «веселое солнце», которое «запускает свою большую горячую руку в декольте ночи».

Одно за другим видения накладывались друг на друга, точно одно стекло на другое, и взгляд затуманивался. Он много читал, много размышлял. Простой в обхождении, но довольно уверенный в себе, Ив прятал себя за поведением персонажа романа «Большой Мольн»⁶⁸, мучаясь от поедającego честолубия. В стройном силуэте этого мечтателя жил сильный характер.

«Я буду ходить в школу один», – говорил он Люсьенне с кокетливостью, которая ранила ее и означала, что сын просил мать не забирать его больше из школы. Часто говорят, что любовь слепа. У него она обладала демонической зоркостью: он все видел, все чувял, всегда был настороже, особая восприимчивость заменяла нервному мальчику долгое исследование человеческих характеров.

⁶⁸ Роман французского писателя Алена Фурнье, ставший одним из популярных прозведений для юношества, приобрел статус культового. Рассказывается об одиноком сельском мальчишке Франсуа.

Когда старушки видят напудренную женщину, они говорят: «Она себя выкрасила». Дети говорят прямо: «Осторожно, помада!», а в ответ слышали наигранно сердитое «Ох», судорожный смех пробежал по губам как свежая краска. При этом дамы ни на секунду не упускали из виду публику, через зеркальце своей пудреницы. Люсьенна иногда пачкала себе помадой зубы в порыве южного темперамента, были видны красные полосы на зубах, когда она смеялась...

Ив установил с ней взаимоотношения на дистанции... «Мама, подойди», – говорил он и показывал свои рисунки, но никогда не рассказывал о своей жизни. Между ними был заключен молчаливый договор. Она не задавала вопросов, знала границы своего влияния, в котором она не сомневалась. Люсьенна умела развлечь себя любой мелочью, то капризная, то серьезная, как все сильные женщины, она умела играть все роли, талантливо выбирая ту, какую каждый ждал от нее. Она кокетничала с сыном... В Оране, когда она его подвозила куда-нибудь на своей маленькой машине марки *Petite Biluc*, они выглядели как двое возлюбленных. В Париж Люсьенна привезла туалеты, достойные актрисы: она выгуливала платье, сшитое в ателье «Мадлен Кутюр», первый фасон черного платья, нарисованного ее сыном. 20 декабря в день церемонии вручения призов конкурсантам из рук Жаклин Делюбак⁶⁹ в театре «Амбассадор», напротив Елисей-

⁶⁹ Делюбак, Жаклин (1907–1997) – французская актриса, третья жена Саши Гитри, снималась в его фильмах. Бросив кино и театр, стала коллекционером

ского дворца, Люсьенна ждала его в гостинице на улице Клемен Маро.

Ив Матьё-Сен-Лоран был не согласен на бронзовый приз, ему был нужен золотой. Заметил ли его один из членов жюри – Кристиан Диор? Привычно чувствуя себя в среде, к которой он никогда не принадлежал, Ив уже понял, листая страницы журналов *Vogue* и *Harper's Bazaar*, что модели на этих страницах уже начали устаревать. Диор был первым, кто почувствовал это. Он вспоминал: «1952 год начинался тяжело. “Железный занавес” отделил Запад от Востока. Говорили о “переделке” Европы. Беспokoила война в Индокитае и Корее. Писали о пробуждении арабского национализма. Закончилась эйфория от коллекции *new look*, прекратились веселые безумства. Если мода хотела быть новой, ей следовало быть осторожной. Вот почему для весенней и летней коллекции я предложил извилистую линию, обозначая этим, что мода стала логичной, убеждая строгость зимы перейти в летнюю гибкость. Куртки и свитера стали главной темой коллекции...»⁷⁰

Для Ива одного взгляда было достаточно, чтобы увидеть, какое расстояние пролегло между возвратом к роскоши, с канделябрами, арабесками, воланами, оборками, бархатом, и эпохой, которая наступала под знаменем прогресса и серийного производства. Исчез целый мир. Первым, кто за-

искусства.

⁷⁰ Christian Dior, *Dior et Moi*, 1956.

крыл свою мастерскую в 1947 году, был Лелонг⁷¹, а за ним британец, живший в Париже, – Молино⁷². Робер Пиге⁷³ закрыл дверь и положил ключ под коврик. Марсель Роша⁷⁴ в 1952-м оставил за собой только производство духов. В 1953 году Эльза Скиапарелли, сюрреалистическая колдунья, вынуждена была собрать чемоданы, напоследок нарядив одну из своих эксцентрических клиенток, Максим де ля Фалез⁷⁵, в невозможное платье в дырах и с нервным турнюрком. «Дьявольская женственность» прогнала смелость. На первом плане стояли супруги индустриальных магнатов, королевы послевоенного времени с утянутыми талиями. Теперь они заменили проклятые фантазии. В своем салоне на улице Берри Эльза одевала свои модели в вечерние платья с огромными лапестами и шляпы в форме туфельки. Вскоре Скиапарелли уехала в Америку.

Америка – ослепительно новая страна. Там производи-

⁷¹ Лелонг, Люсьен (1859–1958) – французский кутюрье и промышленник. Первым создал линию *prêt-à-poter*. Создал около 40 видов духов. В 1927 г. женился на русской княжне Натали Палей, дочери великого князя Павла Александровича Романова. В 1937 г. руководил журналом *Elle*, в 1937–1947 гг. – президент парижского Синдиката моды.

⁷² Молино, Эдвард (1891–1974) – британский модельер, создал свой Дом моды.

⁷³ Пиге, Робер (1901–1953) – французский кутюрье, один из лучших парфюмеров XX в.

⁷⁴ Роша, Марсель (1902–1955) – французский модельер и парфюмер, создал свой Дом моды.

⁷⁵ Фалез, Максим де ля (1922–2009) – французская актриса андеграундного кино, модель, в последние годы стала дизайнером мебели и интерьеров.

лись нейлон, супы в пакетиках и миксеры. Америка – это комфорт, который был доступен любой женщине, носившей свитер. Соединенные Штаты впервые в мире открыли дорогу к производству готовой одежды – *prêt-à-porter*. Журнал *Vogue* запустил «бюджетную коллекцию» и свой «выбор месяца». Женщины всё больше предпочитали готовую одежду. Плиссированная ткань уступила моделям с прямой линией. Телевидение стало новой эрой мечтаний, наступление чего не преминуло отпраздновать в прямом эфире. В 1950 году во Франции было всего 3794 телевизора. В июне 1953-го телезрители смотрели на экранах уже 60 000 телевизоров первую ретрансляцию прямого эфира с церемонии коронации английской королевы. В этом году Ив Матьё-Сен-Лоран еще не ездил на мопеде, а предпочитал такси, уставив взгляд в звездное небо. Однако приближалась ностальгия. 1953 – это год выхода фильма «Чувство» Висконти. В образе актрисы Алиды Валли, одетой в черное тюлевое платье, он узнал свою воображаемую красавицу, которая говорила: «Я не женщина, я целый мир».

Новая историческая эпоха явно притягивала Ива. В одном из парижских театров он узнал в первом ряду Юбера де Живанши и сказал матери: «Мама, как я завидую!» В это время Живанши чуть-чуть ослабил тиски современной моды. Его называли «большим ребенком» *haute couture*. Он был красив и породист. В круг его общения входили графини, его манекенщицы носили имена конфет и цветов: Вьюнок,

Пралине, Жижи... Он принадлежал к той молодежи, которая развлекалась в замке Корбевиль, где модный плейбой Жак Фат⁷⁶ устраивал волшебные праздники. На этих праздниках всю ночь могли поливать платье из плюща, пока оно не завянет на заре. Бывший ассистент Жака Фата и Эльзы Скиапарелли, Юбер де Живанши происходил из крупной буржуазной семьи с севера Франции. Он открыл свой Дом моды в 1952 году. Свежим ветром повеяло от его коллекций с блузками из органзы, от костюмов «Дуду», от болеро с лепестками роз, от мантий из лебяжьего пуха для тех, у кого душа художника. «Эти платья напоминают вам о первом бокале шампанского, который всегда самый лучший!» Его коллекции вызывали самые шумные овации со времени коллекции Диора *new look*. Впервые у американцев столпотворение за французской одеждой, коллекция называлась, например, «Апрель в Париже». На Седьмой авеню копии известных блузок модели Беттины продавались не меньше чем за девять долларов у *Reid & Reid*. Журнал *Life* посвятил этой модели свою обложку. Журнал *Harper's Bazaar* взял на должность фотографа Аведона. Его муза, рыжая модель Беттина – самая фотографируемая модель того времени: она воплощала новый тип парижанки, которая проводила время в Театральном баре, ходила в легкой блузке и постоянно курила. Гибкое тело, глаза лани, ярко-красные губы, она однознач-

⁷⁶ Фат, Жак (1912–1954) – французский модельер. Оказал большое влияние на моду послевоенных лет.

но нахальна, что восхищало фотографа Ирвинга Пенна: «Не двигайся, останься такой!»

Левый берег Сены, правый берег Сены, что выбрать? Куда податься? Строгий костюм подчеркивал его худобу. Молодые люди прекрасно знали, что такой внешний вид вызывал агрессию у ровесников и желание взять под защиту у тех, кто помудрее. «Его привели к нам как на урок катехизиса», — вспоминала Эдмонда Шарль-Ру, главный редактор журнала *Vogue*. Только прибывший в Париж, он казался «долговязым дылдой, подростком, который боролся с большими очками, все время съезжавшими у него с лица. На лице выражение мнимой праздности, скорее замкнутости, чем робости»⁷⁷.

Встреча с Мишелем де Брюнофф, директором журнала, была назначена еще из Орана. Ив привез рекомендацию от Элен Дюкро, богатой дамы из Орана и матери его подруги Мартины, в виде сопроводительного письма на имя «ее друга Мишеля». Белые бакенбарды и полнота, повадки буржуа, любитель трубок и коллекционер стаффордширского фарфора — вот визитная карточка этого человека, первооткрывателя талантов. Так, например, фотограф Ги Бурден был продавцом обуви в магазине *Printemps*, пришел к нему однажды с папкой, переполненной фотографиями, которые он проявил в раковине у себя дома.

Мишель де Брюнофф, выходец из известной издательской династии, начал с того, что прибрал к рукам ежемесячник

⁷⁷ *Le Figaro littéraire*, 12 février 1968.

Jardin des modes на пару со своим шурином в 1921 году. Его шурин, Люсьен Вогель, был основателем *Gazette du bon ton*. С 1929-го Брюнофф руководил журналом *Vogue*, проявив вкус и любознательность, что сделало из него важную фигуру парижской жизни.

Мишель де Брюнофф знал золотую пору, когда, как написал его друг Кристиан Диор, «мы были на все готовы, как сейчас мы все кем-то наняты». В те времена космополитичный и скандальный Париж был городом бессонных ночей и негритянских балов. Картины кубистов продавались в пивнушках. Жироду, Клоделя, Чехова играли в ангарах. Эпоха удивляла богатством. Конец 1920-х годов. Шанель только что изобрела роскошь для бедных. «Скажите, мадемуазель, по кому вы носите траур?» – спросил Поль Пуаре, встретив Шанель, одетую в свой обычный черный свитер. «По вам, мсье!»⁷⁸ ответила она. Это был Париж, где все происходило в ресторане «Бык на крыше»: «Невозможно было оторваться ни от этой эйфории страдания, ни от циклона удовольствий, которые плясали над городом, подобно большому столбу пламени, от которого всегда остается, рано или поздно, один только дым...»⁷⁹ Дружески попивая с Кристианом Бераром, Соге⁸⁰ (тогда он работал над опереттами), Дио-

⁷⁸ *Poiret, par Yvonne Deslandres, Paris, 1986.*

⁷⁹ *Maurice Sachs, Au temps du Boeufsur le Toit.*

⁸⁰ Соге, Анри (1901–1989) – французский композитор и режиссер, кавалер ордена Почетного легиона.

ром (открыл галерею живописи в Гранвиле) и Максом Жакобом⁸¹ (он танцевал в красных носках, изображая кордебалет под прелюдии Шопена), Мишель де Брюнофф смог сохранить к 1953 году свою привычку фантазировать. Во время оккупации Франции он ухитрился издать для герцогини д'Айен небольшой рекламный каталог парфюмерии *Renoir*, обратившись к своим друзьям-художникам: Дерену, Матиссу, Ван Донгену, Берару, и писателям Монтерлану и Колетт.

Тем не менее Мишель де Брюнофф был совершенно сломленным человеком: его сын Паскаль, участник Сопротивления, был расстрелян нацистами всего за несколько дней до высадки союзников. Для того, кто познал бездну отчаяния, красота порой становится единственным утешением. Мишель де Брюнофф решил снова издавать *Vogue*, который был закрыт в июне 1940 года. Две его дочери: Марион – на верстке, Ида – в отделе моды – присоединились к отцу. В январе 1945-го он представил номер *Libération* («Освобождение»), достойный прошлых выпусков. Среди рубрик журнала были «Силуэты 1945-го», рубрика Сесила Битона⁸² и Кристиана Берара; «Огни города», рубрика Александра Астрюка⁸³. «Фотография ваших дочек нас порадовала», – призна-

⁸¹ Жакоб, Макс (1876–1944) – французский поэт и художник.

⁸² Битон, Сесил Уолтер Харди (1904–1980) – английский фотограф, мемуарист, икона стиля, дизайнер, один из известнейших мастеров модной фотографии.

⁸³ Астрюк, Александр (1923–2016) – французский актер, кинорежиссер, сценарист и теоретик кино.

вался позже Кристиан Диор Мишелю де Брюнофф. Кутюрье создал для них свои первые платья из коллекции *new look* в январе 1947 года. В это время Мишель де Брюнофф и Кристиан Диор регулярно виделись и созванивались. Они создавали из мира моды, театра и критиков, «этих друзей прессы», как называл их Диор, отдельную семью, где близость пристрастий приводила к тому, что платья, драматурги и театральные залы зачастую назывались одинаково: «Эдмон Ро-стан», «Сара Бернар», «Жан-Поль Сартр».

В начале 1950-х годов Мишель де Брюнофф посещал самые шикарные танцевальные вечера и известные театральные премьеры, бывал за кулисами балетных спектаклей и на вернисажах, не забывая о модных дефиле *haute couture*, куда ломился весь парижский бомонд в первых числах февраля и в конце июля. Его журнал публиковал «постоянный отчет обо всем, что составляло шарм Парижа»⁸⁴. *Vogue* – это еще и справочник *who's who* в стиле *café society*⁸⁵, который излучали леди Диана Купер⁸⁶, Розита Винстон, Карлос де Бейстеги⁸⁷, Артуро Лопес Вилшоу⁸⁸. Последний – чилиец, чье

⁸⁴ *Vogue, Paris, 1950.*

⁸⁵ В начале XX в. так называли светский расслабленный образ жизни богемы.

⁸⁶ Купер, Диана (1892–1988) – британская актриса, обладательница множества премий, автор мемуаров.

⁸⁷ Бейстеги, Карлос де (1895–1970) – дизайнер интерьеров, эксцентричный коллекционер произведений искусства, был одним из самых ярких персонажей европейской жизни середины XX в.

⁸⁸ Вилшоу, Артуро Хосе Лопес (1900–1962) – меценат, богатый чилийский кол-

огромное состояние выросло на гуано (эффективном удобрении, производившемся из экскрементов морских птиц), был женат на очень элегантной женщине, которая никогда не улыбалась. Певший на память куплеты Мистангет⁸⁹, Артуро любил шансонье, бистро и смешных молодых ребят. Злые языки говорили о нем: «Он не такой, как эти Виндзоры, которые говорят только по-английски и живут в Париже лишь из-за кутюрье и ювелиров». Стиль *café society* делал Париж не только столицей искусства, но еще и столицей празднеств.

Париж собирал в свою коллекцию крупных птиц с любым оперением, которые встречались в отеле «Ритц» или по пятницам в ресторане *Maxim's*. Они назначали встречи по телефону из своей парижской квартиры или посылали телеграмму из Буэнос-Айреса или Нью-Йорка. Здесь встречались элегантные чужеземки, молодые эстеты, супруги послов, светские декораторы. Они придумали чудесный коктейль из сухого розового вина, а из бистро сделали модное место, где женщины в вечерних платьях бросали на скатерть свою дамскую сумочку, чтобы наестся пирогов с кровяной колбасой, оставаясь при этом все время на виду, называя по имени важных персон этого мира. Они селились в отеле *l'Eden Roc*, заказывали ланч в ресторане *Tour d'Argent*.

Мишель де Брюнофф был светским человеком, в его про-

лекционер и известный персонаж послевоенной парижской светской жизни.

⁸⁹ Мистангет (наст. имя Жанна-Флорентина Буржуа) (1875–1956) – знаменитая французская певица, актриса кино, клоунесса-конферансье.

фессии важно быть и принятым у Мари-Лор де Ноай⁹⁰, и увидеть спектакль «В ожидании Годо» в театре «Вавилон», и похвалить или отвергнуть пышный рукав или плоский карман, и поздороваться с Жаном Жене⁹¹, который разглагольствовал в кафе *Flore* в белых штанах и розовой рубашке.

Он также появлялся каждый четверг у Мари-Луизы Буске⁹², одной из последних женщин – хозяйек собственного салона, где бывали Лиза Дин⁹³, герцогиня де Ларошфуко и Мари-Лор де Ноай. Прошли годы, и вот бывшая любовница писателя Анри де Ренье⁹⁴, которая принимала раньше академиков и литераторов в своей квартире на улице Буасьер, теперь открыла свои двери куда более пестрому обществу *café society*. Она определяла тогда парижскую жизнь. «Кто пойдет в гости к женщине не юной, не красивой, не богатой? Весь мир стремится к ней, потому что она умна», – признавалась писательница Вайолет Трефузис, которую несчастные

⁹⁰ Ноай, Мари-Лор де (1902–1970) – французская меценатка, поддерживала художников-авангардистов, помогала Сальвадору Дали и Франсису Пуленку.

⁹¹ Жене, Жан (1910–1986) – французский писатель, поэт, драматург, чье творчество вызывает споры. Главными героями его произведений были воры, убийцы, проститутки, сутенеры и т. п.

⁹² Буске, Мари-Луиза (1885–1975) – французская журналистка моды, работала в *Harper's Bazaar*, считается, что именно она разглядела талант Кристиана Диора и познакомила его с Кармель Сноу.

⁹³ Дин, Лиза (1915–2009) – голливудская актриса, модель.

⁹⁴ Ренье, Анри де (1864–1936) – французский поэт и писатель. В прозе развивал стилистику «галантного» XVIII в.

любовные отношения с Витой Сэквилл-Уэст⁹⁵ заставили отдалиться от женщин.

В нескольких шагах от редакции журнала *Vogue*, на площади Пале-Бурбон, корреспондентка журнала *Harper's Bazaar* принимала гостей в очаровательной квартире, обставленной в стиле XVIII века.

Здесь всегда была возможность встретиться с кем-нибудь важным в одной из маленьких комнат анфилады: с критиком, декоратором, человеком театра... Здесь не обязательно вести себя невинно. Здесь люди «появлялись», «проходили мимо», как это делали Сесил Битон, Жюльен Грин⁹⁶, Жан Кокто, Бернар Бюффе⁹⁷, в сопровождении Пьера Берже, ментора его славы.

На таких «четвергах Мари-Луизы», где люди смотрелись в «зеркало Парижа, известное до самого Техаса»⁹⁸, создавались прославленные карьеры в мире искусства и моды. Некрасивая и сморщенная как чернослив, эта старая дама была необычайно умна, она поднимала глаза на Юбера де

⁹⁵ Сэквилл-Уэст, Вита (1892–1962) – английская писательница, аристократка, журналист. Была известна не столько своими литературными трудами, сколько подробностями яркой личной жизни. Особую известность получили ее романтические отношения с Вайолетт Трефузис и Вирджинией Вулф.

⁹⁶ Грин, Жюльен (1900–1998) – французский писатель американского происхождения. Несколько его романов экранизировано.

⁹⁷ Бюффе, Бернар (1928–1999) – французский художник, широко признанный за свои работы, несущие хмурое, меланхоличное настроение.

⁹⁸ *Christian Dior, Dior et moi, op. cit.*

Живанши и говорила, опираясь на палку: «Приветствую вас, вы будущее французской моды...»

Мишель де Брюнофф дал Сен-Лорану единственный совет: «Получите аттестат зрелости». Ему надо было возвратиться в Оран и стать обычным лицеистом. «Только избранным душам, людям с огромной внутренней силой позволено покинуть домашний кров, чтобы броситься на гладиаторскую арену Парижа», – писал Бальзак в романе «Утраченные иллюзии».

Ив сел в самолет с чувством смирения, оно всегда помогает жаждущим славы уйти в тень, чтобы позже выигрышно появиться. В течение недель, отделявших его возвращение от даты экзамена, он еще больше работал, запершись у себя в комнате и постоянно рисуя кумиров, которые завладели его воображением. «Однажды школьный цензор стремительно вошел в класс и похвалил Ива, заметив, что он обладает необычайной одаренностью к рисунку и дизайну моды. Мы слушали его, слегка удивленные: то будущее, которое прочили однокласснику, показалось нам расплывчатым, но все же вызывающим зависть. Впервые о нем говорили вслух, и, мне думается, что это было помимо его желания. Скорее всего, годы, проведенные им в лицее Ламорисьер, не были для него лучшими моментами жизни...» Это искреннее свидетельство принадлежит его соседу по парте, Этьену Тиффу, позже он стал профессором латинского языка в департаменте лингвистики и филологии в Университете Монреаля.

Ив Сен-Лоран, разумеется, не появлялся на спортивных мероприятиях каждый четверг на стадионе «Мажента»; игнорировал воскресные встречи в «Клиши», в кафе лица Ламорисьер, где перемывались новости, где встречались ученики, объединенные мужской дружбой вокруг футбола и голов *SBA*, футбольной команды из Сиди-бель-Аббеса, города-штаба Иностранного легиона. Он не участвовал ни в горячих партиях в карты в дортуарах интерната, ни в драках подушками, ни в походах в лавки, когда надзиратель спал в своей комнатенке. Он был приходящим учеником, уходил домой тогда, когда другие бежали в столовую, или же вечером, когда они неохотно шли в класс на продленку. «Он был простым парнем, замкнутым, не очень идущим на контакт», — вспоминал о нем один ученик.

Ив не имел привычки «жульничать» в школе и с домашними заданиями, как его сестры, и все же он остался на второй год. В июне 1953 года он был оставлен на дополнительное вечернее занятие Ивом Вье-Лесажем, профессором философии, с которым контакт сразу не заладился: «Этот мальчик искренне ненавидел меня! Он никогда не получал больше чем четверку или пятерку из двадцати баллов. Он был интровертом. У него не было никаких отношений с товарищами по классу», — вспоминал этот поклонник Декарта, некогда выпускник Артиллерийской школы Фонтенбло, «лейтенант запаса с двумя нашивками».

В 1953–1954 учебном году в классе Ива преподавал про-

фессор Жан Коэн. Бывший лицеист в роговых очках (которого исключили из лица в 1942 году, в момент отмены декрета Кремье) давал ученикам менее традиционный курс обучения: «Своим ученикам я рассказывал о Сартре...» За это он получил предупреждение дирекции. В компании нескольких интеллектуалов, таких как Поль Бенишу, он основал небольшую группу единомышленников, чтобы бороться с обществом, которое он воспринимал как «общество презрения». Его терпимость не мешала ему одергивать во время урока ученика по имени Ив Матьё-Сен-Лоран: «Я не выносил, если ученик отворачивал голову. Он ничего не записывал. Я подошел к нему. Он рисовал женские платья! Я сказал ему: “Как вы можете заниматься такими пустяками на уроке философии?” Он покраснел. С тех пор я его больше не видел. Только потом, еще один раз, через десять лет... Он снова покраснел при встрече...»

В этот учебный год Ив Матьё-Сен-Лоран жил как будто одновременно и в Оране, и в Париже. Со своими сестрами он заходил к Мишелю, который держал большой магазин тканей, откуда всегда выходил с рулоном под мышкой и с видом избалованного ребенка говорил: «Пошлите квитанцию моему отцу».

Ив предавался одиночеству в своих мечтах о грядущей славе. Его главных друзей уже не было в живых. Он хранил о них память в виде вырезок из журналов, коллекционировал и хранил их в маленьком черном чемодане... Кристиа-

на Берара не стало в 1949 году, Жуве скончался 16 августа 1951-го прямо во время спектакля. Эти театральные таланты подарили ему негласные правила, которые не относились ни к теории, ни к здравому смыслу. Вот эти правила: наблюдать, научиться адекватно видеть реальность, уметь передавать отношения и ситуации, уметь выражать в жесте или в ударе кисти элегантность целой эпохи или характер персонажа. Желтый – цвет Марго⁹⁹. Красный – цвет Роксаны¹⁰⁰. Белый – цвет Агнессы¹⁰¹. Также нужно знать тысячи мелких деталей, которые делают из ложного истинное и дают яркое чувство реальности.

Мишель де Брюнофф наставлял юношу на путь истинный: «Дорогой господин Матьё-Сен-Лоран, – писал ему 21 февраля 1954 года директор журнала *Vogue*, – я заинтересовался вашими рисунками и могу лишь повторить то, что сказал вам во время нашей встречи в Париже. Вы несомненно талантливы для моды. Я отметил крестиком наиболее удачные рисунки. На вашем месте я бы воспользовался этим годом, пока вы вынуждены сдавать экзамен на аттестат зрелости, чтобы как можно больше работать с натуры, рисуя не только модели одежды, но и пейзажи, натюрморты, портреты. Я немного боюсь, что особый вид вашей одаренности помешает выработать рисунок. Я вижу, что вы находитесь под влия-

⁹⁹ Персонаж романа А. Дюма «Королева Марго».

¹⁰⁰ Персонаж пьесы Э. Ростана «Сирано де Бержерак».

¹⁰¹ Персонаж пьесы Мольера «Школа жен».

нием Берара. Прекрасно, ведь он был одним из моих старинных друзей, а лучшего мастера сложно выбрать. Я хочу заметить, что он много трудился над качеством своего рисунка и несколько великолепных портретов, оставшихся нам от него, замечательных портретов, заставляют сожалеть, что к концу жизни он так привязался к театральной сценографии, костюмам и моде».

Меньше чем через месяц Ив послал ему новые эскизы и письмо: «Дорогой господин Брюнофф, я благодарю вас за советы, которые вы дали мне в последнем письме. Верьте, я последую им. Что касается живописных работ, я их сделал немало, в особенности портреты, потому что пейзаж меня не интересует. Жалко, что вы не можете их увидеть, но я постараюсь послать вам фотографии этих работ...»

Ничего из новостей моды не проходило мимо него. Подобно журналисту Грюо (тот никогда не пропускал элегантную женщину, остановившуюся в отеле «Ритц»), юноша отыскивал информацию о новых модных коллекциях, рисунки кутюрье, которые тут же копировал. В то время линии моды менялись в зависимости от перемены кабинета министров (11 правительств сменилось со времени окончания войны и освобождения Франции). Пресса часто публиковала такие слоганы: «Алло, это Париж, модельер умер, да здравствует модельер!»

Кисть Сен-Лорана внимательно шла по пятам за развитием силуэта костюма, который становится мягче и есте-

ственное. Прощайте складки и нервозность зигзага. В поисках удобства и легкости Диор позволил телу расцвести среди плавных линий, называя модели именами цветов, например модель «Тюльпан» (лето 1953 года) или «Ландыш» (лето 1954-го). Пьер Карден открыл свой Дом моды, Шанель вернулась к работе. Но пока на дворе ледяной февраль, изобилие еще непривычно, и какая-нибудь овернская скотница вряд ли могла позволить себе шанелевскую «роскошь для бедных». Мир так и не простил этой дочке цыганских родителей, что она одевала богатых невест как служанок. Вид маленького черного платья мог еще нести в себе провокацию в годы шика, а в такие тяжелые времена, когда «слуги стоят их хозяевам все дороже и дороже», дамы из Сен-Жерменского предместья посвящали время своим последним привилегиям: гобеленам, пасьянсу и благотворительности.

Они теперь раздавали на улицах супы для бедных, помешавшись на аббате Пьере¹⁰², узнав, что «бедные дышат как собаки».

Единогласное возмущение вызвали новые предложения Коко Шанель. Она говорила: «Я не хочу работать на французский вкус, меня интересуют американцы». Это было преждевременное заявление. На фоне еще свежих воспоми-

¹⁰² Аббат Пьер, в миру Анри Антуан Груэ (1912–2007) – французский общественный и политический деятель, католический священник. Прозвище «аббат Пьер» получил в годы Второй мировой войны, когда принимал участие в Сопротивлении. Основатель международной благотворительной организации «Эм-маус» (1949).

наний о лишениях войны мода должна была удивлять, как это получилось у Диора. Публика аплодировала его коллекциям из сезона в сезон, потому как они возвращали Парижу благородный титул и делали его центром внимания. Диор – мастер зрелищных трюков, быстро понял, как надо действовать. Он первым переделал женский силуэт, чтобы подчеркнуть его выгодные стороны: открытые декольте, подчеркивание бедер, воланы и прочие выдумки. Он говорил: «Женщины не носят то, что любят, они любят то, что носят».

В это время Кристоаль Баленсиага царил как мастер невиданных конструкций, спроецированных на женское тело, это придавало манекенщицам вид иероглифов, неприкосновенных фигур. Это был самый дорогой и таинственный кутюрье Парижа. Он исчезал из зала показа до последних криков «браво», разрешал тиражирование своих моделей на месяц позже, чем все модельеры. Пока Диор стискивал талии в своих моделях, Баленсиага предпочитал крупных женщин. Поговаривают, что он специально выбирал некрасивых манекенщиц, чтобы их внешность не отвлекала от одежды. Он отказывался продавать свои картины покупателям и презирал прессу, поэтому она и говорила о нем больше всего. Баленсиага зывал к исключительности, Диор – к умению нравиться, Живанши – к нахальному шарму цветочной накидки и платья-кузнечика. Волосы в виде Орленка¹⁰³, черные ба-

¹⁰³ Знаменитый спектакль «Орленок» по одноименной пьесе Э. Ростана, в котором играла 56-летняя Сара Бернар в образе 20-летнего сына Наполеона I.

летки на ногах – в таком образе Одри Хепбёрн стала его талисманом после выхода фильма «Сабрина» в 1954 году.

Ив наблюдал, запоминал, сравнивал прекрасное с красивым, а красивое с подходящим... Ему удалось примирить противоречия, когда рисовал то в манере Баленсиаги, то Живанши, то Диора. Одна Шанель не рисовала, она кроила прямую. Диор, наоборот, обожал эскизы. Он часто проговаривался, что рисовал везде: в постели, на ходу, в машине, днем, ночью. Из этого выходили настоящие «гравюры моды», в которых были сосредоточены идеи его моделей: «Рисунки могут быть иногда бесформенными, иногда точными. Они всегда появляются из-под моей счастливой руки от случайного морального или физического настроения, в котором я нахожусь. Важнее всего, чтобы они были выразительными. Большая ошибка преподавателей рисунка моды – учить делать чертежи и абстрактные схемы. Для того чтобы возбудить мое вдохновение на создание модели, нужно, чтобы эскиз намекал на походку, внешность, жест. Он должен содержать в себе силуэт в действии, должен быть живым»¹⁰⁴.

Ив был чувствительным к такому языку, он питал любовь и к моде, и к театру. Навязчивые идеи следовали одна за другой. Его привлекали переживания новых сценических героинь. Например, Люсиль кончает с собой от того, что не может вынести крушения своих идеалов. Он испытал шок от спектакля по пьесе Жироду «За Лукрецию», костюмы

¹⁰⁴ Christian Dior, *Dior et moi*, op. cit.

для которого сделал Кристиан Диор, где Мадлен Рено, Жан Дессайи, Симона Валер и Эдвиж Фёйер играли главные роли. Это драма чистоты, которую обжигает дьявольское солнце: «Ваша сдержанность, ваше целомудрие – это всего лишь неумение привыкнуть к своему полу»¹⁰⁵.

В фотографиях со спектакля юный Ив нашел для себя сценическую магию: бархатные драпировки, бледные руки, обрамленные белыми рукавами платья, черная вуаль... Под-росток был ошеломлен пьесой, переписывал ее и иллюстри-ровал, точно сам хотел вдохновить зал своими рисунками. «Чувство ада – вот что ты привнесла в подсознание и невин-ность... Чистота, как и святость – это избыток воображе-ния...»

Его видения увлекали его и пожирали, наполненные мо-нашками с кругами под глазами, которые стегали плетью продавцов спичек, а вот и девушка пятнадцати лет «с отмо-роженными ногами и потрескавшимися руками». «Чепчик монахини так же бел, как нижнее белье девушки». Ив видел «явь нищеты, голой и кровавой», писал он «о ночном наси-лии» и запрятывал свои сны и кошмары в ткани:

Одетый в кровавые и черные лохмотья сатина
День встает,
Мертворожденный день, лихорадочный и бледный,
Чье маленькое тело

¹⁰⁵ *Pour Lucrèce, Jean Giraudoux, 1953.*

Везде мелькает, как призраки,
В сером саване.

У себя в комнате Ив все время рисовал и писал. Между ним, худым подростком, и директором журнала *Vogue*, довольно полным человеком, установился эпистолярный поединок. Мудрость зрелого человека противостояла пылкости вдохновенного юноши, который рисовал фигуры Богоматери и Дьявола. «Мой дорогой Ив, – писал ему Брюнофф 6 мая 1954 года, – поскольку теперь у нас довольно регулярная переписка, я могу называть вас по имени? Продолжаю выражать вам свои комплименты. Меня очень заинтересовали фотографии ваших картин, которые вы вложили в последнее письмо. Разумеется, довольно сложно высказать серьезное мнение о картинах по фотографиям, где не виден цвет, но сразу понятно, что вы любите то, что делаете, и любите работать. Я бы дал вам совет как можно больше писать с натуры либо портреты, либо натюрморты, пейзажи, ню и т. п. Необходимо укрепить рисунок знанием, которое позволит реализовать любую фантазию...» Он продолжал: «Ваша Лукреция меня очень заинтересовала, хотя я нахожу иллюстрации немного преувеличенными. Я был бы рад, если бы вы сдали экзамен и смогли сосредоточиться на своем творчестве...»

Ив Матьё-Сен-Лоран ответил ему только в конце июня, сообщив, что «результаты экзаменов совершенно удовлетво-

рительны» (он получил аттестат, но без сопроводительной отметки) и что приедет в Париж осенью. «Мои планы пока расплывчаты. Я бы хотел, по примеру Берара, заниматься многими вещами, которые для меня взаимосвязаны: театральные декорации и костюмы, дизайн и графика. Также меня очень притягивает мода, выбор карьеры произойдет наверняка от счастливого случая в той или иной области...»

В сентябре 1954 года он приехал в Париж и поступил на курсы Профсоюзной палаты швейной промышленности. Это путешествие не так взволновало его, как первый приезд. Теперь он был один, без Люсьенны, любившей удивлять и очаровывать. Он снял комнату у вдовы генерала мадам Бюиссон по адресу: 209, бульвар Перейра, в XVI округе Парижа. Через свою модельершу, мадам Мадлен, хозяйку магазина «Мадлен Кутюр», Люсьенне удалось хорошо организовать жизнь сына. Симона, подруга детства Ива, тоже только что получила свой аттестат зрелости и уехала из Орана, чтобы продолжить учебу. «Он увидел нас и засмеялся. Он смеялся над тем, как мы были одеты», – вспоминала Симона. Перед отъездом Ив заказал для нее у любимой модельерши своих сестер Мадлен Монтье красную юбку, серый пиджак и немного одежды для ее будущей жизни в пансионе при версальском лицее. Иногда они встречались и ходили в кино, но встречи становились все реже, хотя дружба сохранилась. Это было похоже на театральную сцену, где прожекторы освещают по-разному каждую нарисованную часть здания.

В школу Профсоюзной палаты швейной промышленности Ив был записан отцом, Шарлем Матьё-Сен-Лораном, во время одного из его парижских путешествий. Она была расположена по адресу: улица Сан-Рок, дом 45, возле сада Тюильри. Школа была основана в 1927 году, там учились тридцать учеников, в основном девушки. Дамы с серыми шиньонами преподавали кройку, патронаж, рисунок, историю костюма. Ив очень скучал на этих уроках... И все же он был в Париже! Почему же тогда эти дамы-преподавательницы казались ему такими пресными? В их взгляде он прочитывал неприязнь: они-то знают, что эти парни, которые на самом деле любят безделушки и цветы, будут первыми, кого возьмут кутюрье в свои мастерские, хотя девушки куда достойнее. В этой школе было строгое расписание, приучали сдавать работу в аккуратном виде и тщательно подготовленную. Дурацкие лампы, подходившие для освещения двора, освещали заполненный учениками зал с манекенами из конского волоса, где гладили одежду газовыми утюгами.

От этой школы у него не осталось ни воспоминания, ни рисунка, но там он познакомился с Фернандо Санчесом¹⁰⁶, тоже худым юнцом в темном костюме. Он тоже любил Кокто, Берара, Мориса Сакса¹⁰⁷ и жил в Париже один, но у него

¹⁰⁶ Санчес, Фернандо (1935–2006) – испанский модельер, прославился благодаря своим провокационным коллекциям нижнего белья.

¹⁰⁷ Сакс, Морис (1906–1945) – французский писатель еврейского происхождения. Работал с Кокто и Шанель.

была своя студия на улице Дофин. Вот и первая парижская дружба. Она будет первой и самой долгой, пройдет через десятилетия по маршруту Париж – Нью-Йорк – Марракеш. «Я бываю либо равнодушным, либо верным. Мы оказались соседями по парте. Он поймал звезду с неба и держал ее в руке. Мы стали близкими друзьями».

Родившийся в Испании, выросший в Антверпене, Фернандо провел свое детство в среде испанской эмиграции. Его мать заказывала себе одежду у Баленсиаги, и он вспоминал полднишки, где были дамы из испанской аристократии, похожие на больших ворон. Мечтая, как Ив, о красках и свободе, он приехал в Париж, чтобы поступить на работу к Жаку Фату, «который попросил его приехать». «Ив, – вспоминал Фернандо, – вел себя как звезда и требовал внимания». У них обоих был стремительный взгляд, они не сдерживались и смеялись во все горло, словом, злоупотребляли, как многие юнцы, высокомерным поведением, чтобы отомстить за свою непризнанность: «Все в школе нас ненавидели. Они нам говорили: “Вы двое, вы считаете себя звездами”».

События стремительно развивались. 25 ноября Ив одержал долгожданную победу. Он получил одновременно 1-й и 3-й призы в категории «платье» Международного конкурса шерстяной промышленности. Теперь он стал самым молодым лауреатом престижной премии моды. Из шести тысяч эскизов, присланных анонимно, были выбраны только семь. Три из них принадлежали Иву Матьё-Сен-Лорану. Второй

приз за эскиз пальто ушел Карлу Лагерфельду¹⁰⁸, двадцати одного года, родом из Гамбурга, обосновавшемуся во Франции с 1952 года. Ив же был удостоен чести быть процитированным в радионовостях жизнерадостным голосом диктора: «Восемнадцатилетний талант блестяще победил в двух номинациях. Благодаря Иву Матьё-Сен-Лорану Северная Африка заработала одно очко, обыграв метрополию в модных соревнованиях».

За столом жюри, кроме представителей прессы, находились Жаклин Делюбак, Пьер Бальмен¹⁰⁹ и Юбер Живанши, чьи мастерские и реализовали модель начинающего кутюрье... «Я счастлив», – признался лауреат в интервью дебютирующей журналистке Жани Саме, которая выпустила свою первую статью в газете *L'Écho d'Oran*. Она писала: «Ему восемнадцать лет, у него внешность студента из Института международной политики, серьезного и замкнутого. Его революционные идеи в области моды таковы: “Быть элегантным, носить ослепительные платья, которые не носят два раза. Я люблю эксцентрику, смешное, неожиданное... Это черное изогнутое платье с оголенными плечами сочетают с длинными перчатками в духе певицы Иветты Жильбер, а на

¹⁰⁸ Лагерфельд, Карл Отто (1933–2019) – немецкий модельер, фотограф, коллекционер и издатель. Основатель собственного Дома моды. Одна из наиболее влиятельных фигур модного бизнеса.

¹⁰⁹ Бальмен, Пьер (1914–1982) – французский дизайнер, начинал у Лелонга и Молино, работал с Диором. В 1945 г. открыл свой Дом моды. Ему удалось создать образ активной, элегантной, независимой женщины.

перчатках небольшой страз... Моя мечта – стать модельером в крупном доме мод. Да, создавать веселые, живые платья, на которые люди оборачиваются; придумывать смелые аксессуары, бижутерию в стиле *haute couture*, они куда более интересны, чем настоящие”...»¹¹⁰

Ива Сен-Лорана чаще всего можно было застать за кулисами «Комеди Франсез», нежели на уроке кройки и шитья, он жил одной амбициозной мечтой – театром. «Рисовать декорации и сценические костюмы, находиться в постоянном контакте с публикой, которая восхваляет или порицает...» Его отец хотел, чтобы он стал нотариусом. «Он совсем не верил в мое призвание, – говорил Ив с насмешливым видом человека, взявшего реванш, – Теперь он смирился и согласился с тем, что я единственный художник в семье»¹¹¹.

Чек, который получил Ив Сен-Лоран, стоил в реальности больше, чем 300 000 франков. Он увенчал годы тайной борьбы, годы вызова, абсолютного отказа от жизни. Ив знал, что никогда не будет одним из этих честных женихов, трудяг, уважающих своих тестя и тещу, не будет мальчиком, о котором мечтают шикарные девочки. Между ним и отцом что-то произошло, но что? Ив воспринимал отца так, как Эмма Бовари смотрела на своего супруга: с раздражением, что приводит к страданию, вместо того чтобы его прогнать. «Она бы хотела, чтобы Шарль ее бил, это дало бы возможность спра-

¹¹⁰ Жани Саме, *L'Écho d'Oran*, 7 января 1955.

¹¹¹ Там же.

ведливо его ненавидеть и мстить ему».

Подросток иногда доходил до отчаяния из-за своего отца: он громко говорил, слишком напыщенно одевался, выходя в свет затянутый в смокинг, в рубашку с белым стоячим воротничком, который перерезал ему шею надвое. Шарль Матьё-Сен-Лоран однажды ясно понял, что его сын никогда не продолжит их род. Отец, выросший в уважении к семейным традициям и считавший своим идеалом наполеоновские победы, оцепенел от этого откровения. Как будто компенсируя свое частое отсутствие, Шарль, иногда строгий, но, по признанию дочек, «мягкий человек», заботился о нем, оберегал, делал все, что необходимо, несмотря на то, что это уже было поздно. Ив постоянно искал эту защиту позже, несмотря на отвращение, которое вызывали искренность и добрые чувства отца.

Шарль Матьё-Сен-Лоран понимал, что он ничего не понимает, но смирился и продолжал упорствовать. Этот уважаемый человек – единственный в семье, кто думал, что сын страдал от еще более мрачной болезни, чем это бывает в божественной среде, у артистов. У него не было к ним никакого уважения, ведь они ведут жизнь разгильдяев. Он целомудренно говорил о робости, а в XIX веке это еще называли «нервами».

Ив не сдал экзаменов на диплом, потому что так решил. Для этого были причины. Он погрузился «в глубокую и темную пропасть, в сумрачные коридоры» своего одиночества.

После эйфории первых парижских месяцев на него напала страшная тоска, она застряла в горле, как запах телячьих котлет, которым были пропитаны лестничные клетки XVII округа Парижа. Он жил в приличном районе, здесь росли старые деревья, похожие на гребенки без зубьев, по улицам ходили женщины, чувствовавшие вину за ошибки, которых они не совершали. Да еще поезда проходили под бульваром Перейра по железнодорожным путям, они будто зачеркивали неустанно идущее время. В своей студенческой комнатке избалованный принц столкнулся с воскресной скукой. Он даже не знал, что обеспокоенный отец написал письмо Мишелю де Брюнофф. Оно датировано 14 января 1955 года.

«Дорогой господин Брюнофф, прошу прощения, что обращаюсь к вам, не имея возможности знать вас лично, но ваша любезность по отношению к моей жене и внимание, которое вы соизволили оказать моему старшему сыну Иву, меня к этому побудили. Мы получили от него два первых письма сразу по приезде в Париж, после рождественских каникул в Оране. В них появилась горечь, какой не должно быть после воодушевления первого триместра учебы и того энтузиазма, который им овладел после победы в конкурсе шерстяной промышленности. Во время каникул это вдохновение еще наполняло его, и он был полон проектов. Я прекрасно осознаю, что такое уехать из дома в студенческую комнату и вспоминать о двух праздничных неделях в компании своих старых друзей. Когда это теряешь, приходит тос-

ка. Он даже сам об этом написал, а уроки не могут достаточно заполнить его время. Каждый день он ищет себе занятие, чтобы не было пустоты и тоски. Вы, наверное, заметили его робость, его боязнь быть в тягость, именно поэтому, учитывая большое доверие, какое, как мы знаем, он испытывает к вам, я прошу вас, как только увидите его, дать ему совет и по возможности немного встряхнуть. Я думаю, что в таком юном возрасте у него должна быть работа, и только вы один можете ему в этом помочь, найти работу в той профессиональной среде, которую он выбрал. Простите меня за столь длинное письмо, и прошу не говорить ему о нем. Благодарю вас за все, что вы сделали для него, и за то, что можете еще сделать. Примите, дорогой господин Брюнофф, заверение в моих лучших чувствах».

Мишель де Брюнофф ответил Шарлю Матьё-Сен-Лорану не сразу, а месяц спустя, 16 февраля 1955 года. «Вы наверняка уже знаете от вашего сына, что я был довольно болен после очень серьезной операции...» Он рассказал, что недавно помог Иву попасть за кулисы «Комеди Франсез», благодаря помощи Сюзанны Лалик, «очень талантливой женщины», она была автором сценографии и костюмов для спектакля «Мещанин во дворянстве». «Сюзанна Лалик сказала, что очень сложно устроить вашего сына туда на работу, ибо “Комеди Франсез” – очень регламентированное учреждение, но она пообещала организовать ему проход в театр, чтобы он присутствовал на монтаже декораций, что может быть

очень интересным для Ива и где он может познакомиться с людьми, которые могут быть полезными в будущем... Я пользуюсь случаем, чтобы сказать, насколько ваш сын мне симпатичен, я вижу в нем талант и сделаю все возможное, чтобы он нашел свою дорогу и чтобы его пребывание в Париже привело к успеху...»

Ив продолжал работать, наблюдал. Он снова появился у Мишеля де Брюнофф и показал ему пятьдесят набросков, сделанных в Оране: удлиненные силуэты с узкими и почти плоскими бюстами. Потрясенный тем, что эти рисунки похожи на модели Диора силуэта A^{112} , директор *Vogue* тут же набрал номер телефона известного кутюрье. Вскоре Эдмонда Шарль-Ру¹¹³ получила письмо в Италию: «Малыш Сен-Лоран приехал вчера. К моему изумлению, из пятидесяти набросков, которые он мне принес, как минимум двадцать могли бы быть сделаны рукой Диора. В своей жизни я не встречал никого одареннее. Я только что договорился об их встрече, объяснив Диору, что речь идет не об утечках, поскольку наш малыш приехал накануне, а коллекция Кристиана вышла два дня назад... Я сейчас поведу его за руку к нему... Жаль, что вас здесь нет! Если малыш однажды станет великим, вспомните обо мне...» Судьба юноши разыгрывалась

¹¹² В коллекции Диора *new look* были три силуэта – Y, A и H.

¹¹³ Шарль-Ру, Эдмонда (1920–2016) – французская писательница, журналистка, с 1944 г. работала в *Vogue*, сначала хроникером, а с 1954 г. – главным редактором.

прямо у него на глазах.

20 июня 1955 года молодой человек, тонкий как карандашная линия, отправился на встречу по адресу: авеню Монтень, 30. «Дорогой господин Брюнофф, Ив только что реализовал свою мечту. Он побывал у Кристиана Диора позавчера, и я хотел бы поблагодарить вас от всего сердца. Вы ему подарили одну из самых больших радостей в жизни, а нам – счастье знать, что наш сын будет заниматься делом, которое любит». Так написал Шарль Матьё-Сен-Лоран Мишелю де Брюнофф 22 июня 1955 года. «Вам известна его робость, которая связана не только с его юным возрастом, но еще и с характером. Он сам в одном из писем жалуется на эту робость, которая, как ему кажется, немного парализовала его в первый день работы. Я бы попросил вас, когда представится случай, извиниться за него перед Кристианом Диором».

Ив начал работать «ассистентом модельера», как и другие молодые люди: Гай Дувье¹¹⁴, Марк Боан¹¹⁵, мечтавшие быть декораторами, дизайнерами или кутюрье. Они сидели месяцами в святая святых – в студии. Ив бесшумно проскальзывал за маленькое бюро. Студия – это отдельный мир. Любой посторонний человек звонил в звонок. Здесь работали в белых блузах. Господин Диор не был похож на успешного кутюрье, называл свои модели «Любовь», «Счастье», «Неж-

¹¹⁴ Дувье, Гай (1931–1996) – французский модельер, работал в Нью-Йорке.

¹¹⁵ Боан, Марк (р. 1926) – французский модельер. В конце 1960-х гг. сменил Ива Сен-Лорана на посту главного дизайнера Дома «Кристиан Диор».

ность». Скорее он был похож на отца семейства – гурман, довольно полный господин, всегда одетый в костюмы серого цвета. У него были свои талисманы, например его тросточка из ротанга с золотым набалдашником, которую он называл «волшебной палочкой».

Именно здесь, в этой студии, от наброска к ткани, от ткани к примерке создавались коллекции из двухсот моделей, разносившие по миру магическое имя *Dior*. Жемчужина короны господина Буссак¹¹⁶, самого богатого человека Франции. Дом моды «Кристиан Диор» – это достопримечательность, перед которой фотографируются туристы. Открывшийся 12 февраля 1947 года первым дефиле коллекции *new look*, вернувшей Парижу статус столицы элегантности, этот Дом включал в себя двадцать семь ателье и имел более тысячи человек персонала, а начиналось все с шестидесяти человек. В 1954-м Дом моды *Dior* осуществлял 49 % экспорта в Америку товаров из области *haute couture*: духи, чулки, меха и обувь, подписанная дизайнером Роже Вивье¹¹⁷. Почему Роже Вивье? Потому что с 1953 года кутюрье открыл вместе с ним отдел обуви: это был единственный создатель одежды, с которым тот согласился объединиться под одной крышей. После двух лет успешного сотрудничества они со-

¹¹⁶ Буссак, Марсель (1889–1980) – французский текстильный магнат, миллиардер. Партнер К. Диора при создании его Дома моды.

¹¹⁷ Вивье, Роже (1907–1998) – французский дизайнер элитной обуви. Сотрудничал с Э. Скиапарелли, К. Диором и И. Сен-Лораном.

здали в 1955 году отдел *prêt-à-porter* и обеспечивали самый большой сбыт во Франции, когда-либо предложенный продавцу обуви. Договоры на лицензии множились. Изначально небольшой особняк компании разросся на восемь этажей в здании на углу улиц Монтень и Франциска I. Здесь принимали до двадцати пяти тысяч клиентов за один модный сезон.

Дом моды был похож на театр. «Невидимые контрамарки» позволяли некоторым клиентам присаживаться на позолоченные кресла в гостиной бледно-серого цвета. Разница была только в одном – в надписи на маленькой латунной табличке над черным входом. В театре это «служебный вход», в Доме моды – это «вход для поставщиков». Сюда утром без двух минут девять приходили опрятные рабочие в кокетливых белых перчатках. Они были одеты в жакеты со стоячим воротником. Портье Фердинанд иногда пропускал молодых продавщиц через главный вход, но они всегда боялись попасться на глаза Сюзанне Люлен, руководительнице швейного отдела. Направо находился вход в бутик обуви Роже Вивье. Здесь стояли модели туфель на каблуках: «Запятая», «Канкан» или «Гиньоль», например. Волшебник Вивье не переставал затачивать кончик каблука в форме мандолины или птичьего клюва, следуя за стройной линией ноги, модной в пятидесятые годы. Он обувал богатых женщин и звезд, от Лиз Тейлор до Марлен Дитрих, которая жила в соседнем доме и вдохновила Вивье на создание туфелек на шпильках с шариком из стразов.

К Диору приходили люди со всего земного шара: герцогиня Виндзорская¹¹⁸, Ава Гарднер¹¹⁹, Лана Тёрнер¹²⁰, леди Феллоуз, графиня Вольпи, а также Лиз Тейлор, хотя, как утверждала одна продавщица, «господин Диор никогда не выходил к ней, он любил только священных чудовищ». Лучший пример тому – Глория Гиннесс¹²¹, женщина потрясающей внешности, для нее он однажды нарисовал модель черного платья. «О да, господин Диор, – сказала она ему, – вы были абсолютно правы. Мне нужно было именно такое белое платье...» Женщина знала, что € ей идет, и «не сомневалась в этом», для кутюрье это было удивительным. Он находил в этом повод для вдохновения и боялся быть убаюканным толпой поклонников. Каждый день, ровно в три часа дня сорок пять продавщиц, одетых в черное, выстраивались на парадной лестнице. Их называли «воронами». Коллекцию представляли двенадцать манекенов. Некоторые клиентки, как леди Мариотт, например, приходили сюда каждый день. Записанная в книге встреч и посещений, она появлялась в два часа, а уходила в семь. Это загадка мира моды: в «Ритце», где

¹¹⁸ Симпсон, Бесси Уоллис (1896–1986) – супруга бывшего короля Великобритании Эдуарда VIII, ради которой он отказался от престола.

¹¹⁹ Гарднер, Ава Лавиния (1922–1990) – американская актриса и певица, одна из ярчайших звезд Голливуда 1940–1950-х гг.

¹²⁰ Тёрнер, Лана (1921–1995) – американская актриса, секс-символ 1940–1950-х гг.

¹²¹ Гиннесс, Глория (1912–1980) – мексиканская светская львица, икона стиля, считалась одной из самых элегантных женщин своего времени.

она ужинала одна, в «Лидо», в Венеции казалось, что леди Мариотт носила все время один и тот же костюм. Она была из тех женщин, которых замечают, но не обращают внимания. Чаще всего американок распознавали по перчаткам и по их здравому смыслу. Они заходили в бутик Роже Вивье, чтобы купить парочку туфель... а скорее десять. Некоторые заказывали ансамбли в трех экземплярах, как миссис Бидль, например: один – для Парижа, второй – для загорода, третий – для Нью-Йорка. Другие приходили удрученные: «Мой муж разорен. В этом сезоне я возьму всего десять моделей!» Третьи, как Патрисия Лопес Вилшоу, одевались днем в «простую одежду», а вечером на них сверкали одни драгоценности.

В эти времена женщины еще выбирали платья, которые должны были подходить к их украшениям. Продавщицы Дидора знали по именам горничных, а консьержи в отелях были самыми ценными информаторами. Странные маленькие конвертики сновали туда-сюда. Отношения между клиентами и их поставщиками модной одежды были тонко показаны в фильме Макса Офюльса «Мадам де...».

Дом моды – это школа. Кто попадал сюда в первый раз, еще ничего не значил, если у него не было своей роли, если никто еще не назвал его «малыш». У каждого было свое место, и его функции были ограничены жесткими законами иерархии и деловых отношений. Титулы «месье» и «мадам» с упоминанием имени сразу указывали на буржуазных кли-

ентов, большая часть которых приезжала из Гранвиля, родного города Диора. У них были деньги, для них идеальный человек всегда был одет в шелка (они верили во все, что сделано «хорошим портным»). У них существовали свои строгие правила: не носить сапоги зимой, всегда носить чулки, даже летом.

Продавщицы поступали на работу к Диору по протекции, после испытательного срока, который мог длиться год... Что касалось патрона, женщины играли тут главную роль. Раймонда Зенакер¹²² первая, кого взял на работу Диор в 1947 году, соратник и советчица, в городе и за кулисами она всегда была рядом с ним. Он называл ее «мое дополнение», «разумность среди фантазии», «порядок среди воображения», «строгость среди свободы»¹²³. Еще Маргерит Карре, руководительница швейных ателье. Восемнадцать лет работы у модельера Пату¹²⁴ развили у этой женщины со свежим румяным лицом абсолютный авторитет профессионала своего дела, именно в шитье, чем так славился Дом моды Диора. «У нее даже булавки разговаривают», – вспоминали швеи, многие из которых последовали за ней, когда та ушла от Пату. У Диора работали те, у кого были руки портного. «Надо, чтобы

¹²² Зенакер, Раймонда – управляющая производством в Доме Диора.

¹²³ *Christian Dior, Dior et moi, op. cit.*

¹²⁴ Пату, Жан (1887–1936) – французский модельер. В 1919 г. открыл свой Дом моды. Первым представил коллекцию спортивной одежды для женщин, а также ввел духи в модные коллекции.

платье держалось крепко». Платья могли держаться сами по себе, настолько хорошо они были сконструированы, подбиты подкладкой, уравновешены, подколоты. Деревянные столы в ателье все были испещрены следами от иголок.

Была еще одна муза – Митца Брикар¹²⁵. Ее четырнадцать рядов жемчуга на шее давали понять, что она дорогая женщина. «Мой цветочник – это Картье», – обычно говорила она молодым торопливым ухажерам. Обычно Брикар приходила ближе к полудню, в загадочной муслиновой накидке, всегда завязанной на запястьях, ее корсет светился бриллиантами и рубинами из-под белой блузки. Некоторые говорили, что один любовник стрелял в нее из револьвера, другие – что она пробовала покончить жизнь самоубийством. Истории и легенды следовали за ней по пятам, как и ее парфюм. Митца была любовницей сына германского императора Вильгельма II, когда-то была замужем за русским князем, прежде чем вышла на сцену обнаженной в одном лондонском театре. После она вышла замуж за «незначительного господина» по фамилии Брикар. К тому же она обладала одной из лучших в Париже шкатулок с драгоценностями. Брикар умела носить меха как никто. «Ее мнение, – говорил Диор, – это мнение отеля “Ритц”»¹²⁶. Она высказывалась о каждой модели: опыт

¹²⁵ Брикар, Митца – подруга и соратница К. Диора. Начала работать в Доме швейным мастером, заведовала отделом аксессуаров, позже стала играть ключевую роль в общем направлении дизайна Дома.

¹²⁶ *Christian Dior, Dior et moi, op. cit.*

общения с Баленсиагой заострил ее врожденное чувство элегантности. «Здесь одна лишняя пуговица!» – не боялась сказать она патрону.

«Так! Тишина! Мадемуазели, за работу!» В Доме моды, как и в театре, все делалось при строгом соблюдении правил. Но больше всего здесь учили молчать. Молчание скрывало за своей золотой маской миллионы ссор. Есть ли у клиентки горб, не прячется ли юбка из конского волоса под дорогим платьем *Trafalgar*, какое состояние у заказчицы и его происхождение, какая фамилия мужчины, кто оплачивает ее счета, длина линии плеч или же тоска от груза славы. Мир *haute couture* – это тысячи секретов, которые шепчут на фоне мелких драм, завершающихся слезами, а чаще новым платьем. Страдая от сантиметровых проблем, платье можно приспустить и еще раз приспустить.

Когда кликуши объявляли о какой-нибудь «большой свадьбе», портнихи утирали слезу, думая о муже, которого, быть может, найдут, если боженька вспомнит про прядь волос, которую они зашили в подол... Швейное дело – это профессия: в мастерскую приходили девочкой на побегушках, поднимали булавки, чтобы прикалывать одежду на манекенах, занимались глажкой, мыли пол, помогали главным швеям. На второй год ученица-швея имела право стать швей-дебютанткой, квалифицированной швеей. Выручка зависела от карьерного положения. У Диора работницы сдавали экзамены: им давали метр, ткань, манекен и оценивали уро-

вень «шика», «деталей», «фасона». Первая швея руководила и ставила оценки. Вторая подготавливала полотно карандашными отметками. Она одна будет кроить и осуществлять эскиз. Первая швея приходила в десять утра и спускалась в мастерскую, чтобы сделать примерку клиентке. Ей понадобилось пятнадцать – двадцать лет, чтобы получить эту должность, очень почетную. До войны, у Пату, первая швея не снисходила до того, чтобы говорить со второй. У Диора эти порядки смягчились, хотя мадам Жермен и мадам Моник «соблюдали дистанцию», как говорили работницы. Платье первой швеи гладились работницами, они чистили ей обувь, снимали с нее пальто, когда та приходила. Первая швея руководила всеми, начиная с клиенток, которые всегда задабривали ее мелкими подарками (то брошка, то золотой браслет). Над всеми царила мадам Маргерит, первая из первых. Именно ей выпала честь руководить примеркой мадам Пэрк Файрстоун¹²⁷ в «Плазе». Она могла впасть в истерику из-за пришитого рукава или воротника, заставить переделывать работу три или четыре раза. Но, как говорила Монет, ее правая рука, которая знала ее еще у Пату: «Нечего кривляться. Переделывать рукав из-за двух миллиметров – это и есть швейное дело».

В этом королевстве итальянские покупатели могли быть отведены в полицейский участок только потому, что они

¹²⁷ Супруга основателя американской компании по производству шин Хайри Файрстоуна.

пришли снимать мерку с помощью пачек сигарет «Лаки Страйк». У Диора опасались подделок. Невидимыми несмываемыми чернилами подписывалась каждая модель. Ее можно было увидеть только под инфракрасными лучами. «Ни одно платье не покидает мой Дом моды без этого условного знака»¹²⁸.

Ив написал письмо своим родителям, чтобы описать свой первый день. Балет девочек на побегушках; сцены примерки; как первая швея кладет на клиентку свою черную примерочную тесемку; как она дает указания вторым швеям; как кто-то сомневается, выбирая между двумя белыми тканями; как достают всякие дополнительные сокровища – перья, бижутерию, вышивку. Он внезапно попал по другую сторону витрины, в сложный мир изнанки платья, который состоит из синих ниток для складок, белых ниток – для сборок, а зеленые нитки никак нельзя использовать, потому что они приносят несчастье.

«Ив вел себя в студии как все: оцепенел от уважения, горел желанием научиться... Он очень быстро понял, что нужно быть требовательным, всегда можно сделать лучше, чем есть... Я видел, что господин Диор только раз присел в свое кресло. Он думал о чем-то другом. В этот сезон весь успех достался Фату...» – вспоминал Клод Ликар, работавший в студии Диора с 1947 года, а в те времена Дом моды насчитывал всего сто двадцать человек персонала. Принятый на ра-

¹²⁸ Christian Dior, *Dior et moi*, *op. cit.*

боту грузчиком сроком на месяц, Клод Ликар остался у Диора на тринадцать лет. Его функции состояли в том, чтобы проверять заказы, проставлять печати на эскизах студии и заносить их в специальный реестр. В каждой коллекции насчитывалось двести семьдесят комплектов, а одежды в среднем – пятьсот артикулов. «Господин Диор рассматривал кандидатуры людей, которые могли бы помочь. Он изучал рисунки. Обычно новичков отсылали через полтора месяца... Однако эскизы Ива ему понравились. Я чувствовал, что он испытывал к нему уважение. Внешне спокойный и уверенный господин, он, возможно, уже разгадал соперника...»

В первый день Кристиан Диор провел для него экскурсию по мастерским. «Это был молодой человек, немного нервный, немного робкий. Он не был похож на современных мальчишек», – вспоминала мадам Эстер, работавшая в моде с 1937 года. Она когда-то была второй швеей у Пату и стала первой у Диора. Эскиз за номером 335, сделанный 5 июля 1955 года, был зарегистрирован и попал в коллекцию с указаниями, написанными перьевой ручкой: «Узкое платье в обтяжку из черного бархата с очень узкими рукавами, глубокое декольте. Широкий пояс из драпированного сатина, чуть выше нормальной талии». Ив Сен-Лоран дал собственные указания первой швее, надо было еще убедить ее, чтобы та принимала его всерьез. Он ничего не понимал в технике дела, но нарисованный чернилами силуэт платья, перевязанного белым поясом, чьи рукава сформировали бук-

ву «Y», остался и по сей день удивительно современным. На фотографии под названием «Довима и слоны», сделанной Ричардом Аведоном для *Harper's Bazaar* 30 августа 1955 года, можно увидеть первое платье Ива Сен-Лорана под маркой *Dior*. По другим эскизам, оставшимся в архивах Диора, можно проследить эволюцию его ученика.

Всегда верный своей «бижутерии побрякушек», барочным клипсам с жемчугом и браслетам из норки, он любит играть с позами женского тела, добавляя звезду из сапфира, си-не-серые сатиновые перчатки и тонкие туфельки. С капелькой коралла в мочке уха, с удлиненными и неподвижными глазами, женщина движется на бумаге навстречу взглядам. Ее экспрессия сдержанна и стилизована, но мы чувствуем, как вокруг нее дышит жизнь Дома моды.

«Я приходил каждое утро и проводил целый день рядом с Кристианом Диором, в основном молча. Должен признать, что я многому научился. Кристиан Диор возбуждал до крайности мое воображение, а в работе он полностью нам доверял. Идея, которую он высказывал, будила во мне целую серию, а идея, которую подавал я, могла пробудить фантазии в нем. Это пришло со временем и стало привычкой скорее в конце нашей общей работы, чем в начале. Между нами не было никаких дискуссий. У меня возникала мысль, я зарисовывал ее, показывал ему эскиз. Главной была идея. Поскольку я не болтлив и предпочитаю действовать так, это был правильный подход».

Что это за юнец, идущий вдоль стен? Силуэт в узкой морской форме, в больших черных ботинках, с руками, похожими на усики жука, – все в нем интриговало. «Я живу у одной старухи на бульваре Перейра. По воскресеньям я грызу яблоки и плачу...» – сказал он как-то Жан-Пьеру Фреру, еще одному ассистенту в студии, тот был похож на комок нервов, весело посаженный на две короткие ноги. А что, если захватить этого долговязого поужинать?! Небольшая компания пришла в назначенное время: Карл Лагерфельд, Жан-Франсуа Дэгр (он начинал в отделе мехов, в бутике господина Диора) и Фернандо Санчес, чьи надежды рассыпались в прах вместе со смертью Жака Фата, у кого он собирался начинать карьеру. Еще с ними пришла манекенщица Виктория, которую многие женщины у Диора считали неумехой. Она была слишком невысокая, слишком брюнетка, у нее не было походки. Но господин Диор принял ее на работу и защищал от всех этих фурий в черном. Виктория олицетворяла для него «бульвар Сен-Жермен-де-Пре», который ему нравился. В примерочных суэта, кругом длинноногие девушки: красивая бретонка Луки, с выступавшими скулами и плечами портового грузчика; Рене¹²⁹ – образ приличной девушки (немного скучный, по мнению мужчин); Алла¹³⁰ – воплощение тайны Востока («Она типичная модель, и какой класс!» – говорили продавщицы); а Виктория рядом с ними выглядела

¹²⁹ Любимая модель Кристиана Диора.

¹³⁰ Русская манекенщица Алла Ильчун.

совсем иначе и «нагло» при этом вела себя. Она знала, что она звезда. «Я таскаю за собой всех этих неизвестных парнишек», – говорила она. Когда Виктория заходила в ресторан, мужья так засматривались на нее, что от рассеянности сыпали перец в красное вино. Многие говорили, что если бы жены в сумочке носили пистолет, Виктория не вышла бы из ресторана живой.

В этой компании была еще одна женщина – Анн-Мари Пупар, племянница композитора Анри Соге, верного друга Кристиана Диора. Родилась она в Аркашоне и приехала в Париж в возрасте девятнадцати лет, чтобы устроить свою жизнь. Для начала она была телефонисткой в журнале *Vogue*, затем провела два года в мастерской мадам Симон, учась быстро вдевать нитку в иголку, делать прямой стежок, разглаживать талию утюгом. На пятый месяц работы ей доверили сделать небольшой корсет. Это был корсет Лукреции: она проплакала всю субботу. Наконец, она была принята в Дом Диора в 1953 году. В этот день мадам Раймонда сказала ей: «Моя маленькая Анн-Мари, ткани раскладываются по цвету». Между Ивом и Анн-Мари завязалась настоящая дружба. «Я занималась этой профессией ради него».

Это были первые уроки парижской школы жизни. Первое бешеное веселье в баре театра на авеню Монтень, напротив театра Елисейских Полей. Первые обеды в отеле «Ритц»: важен был не омлет, а то, что можно было там увидеть. Это время первых вылазок в бар «Фиакр». «Мы жили светской жиз-

нюю почти каждый вечер, – вспоминал Жан-Поль Фрер. – У Карла было больше денег, чем у других. У него был “фольксваген” с открытым верхом и встроенным транзистором марки “Грюндиг”. Мы доезжали до площади Этуаль (он всегда говорил, что ориентируется только от площади Этуаль!) и ехали ужинать куда-нибудь в город». К основной команде иногда присоединялись и другие подруги, чаще всего манекенщицы: Ванья или сербка Иванка Бойевич.

Расположенный на улице Шерш-Миди, «Фиакр» – это бар для мальчиков, с рестораном на тридцать мест на втором этаже. Что за люди здесь встречались на лестнице! На узком танцполе размером с ремень посетители танцевали ча-ча-ча, и весь блестящий Париж появлялся здесь: Зизи Жанмер¹³¹, Жан Маре, Мишель Морган и, разумеется, известные кутюрье, приходившие ужинать со своими директрисами, например Пьер Бальмен. Иногда можно было столкнуться с самим Диором в компании с шофером Пьером и всей командой: Сюзанной Люлен, Раймондой Зенакер, Ивонной Минасян, Гастоном Бертело. Что касалось Митцы Брикар, она не приходила: ложилась рано спать, чтобы сохранить цвет лица. Ивзнакомился с непристойным Парижем на улице Монтань Сент-Женевьев: там находился странный танцевальный зал, его держала бывшая актриса, веселая как продавщица рыбы. В день масленичного карнавала парни-продавцы из мяс-

¹³¹ Жанмер, Зизи, наст. имя Рене Марсель Жанмер (р. 1924–2020) – французская балерина, звезда.

ной лавки переодевались в женщин. Стоило посмотреть, как они сотрясали платьями с фижмами, крутя эпилированным торсом под звуки аккордеона. Было невыносимо смешно. Ив познакомился с компанией молодчиков, которые веселились все вечера напролет. Однажды в рождественский вечер девушки все переоделись. Анн-Мари, с бархатным полумесяцем и стразом в волосах, была похожа на испанскую графиню. Ив веселился и, должно быть, именно в этот вечер забыл о назначенной встрече с Симоной. Это ранило ее.

Ив смеялся над всеми слухами и невообразимыми историями, которые рассказывали про их клиенток. Одна из них глуховата, и мадам Марта, первая швея мастерской, случайно отрезала ножницами проводок слухового аппарата, пытаясь шире прорезать воротник. «Она отрезает, потом припиливает, а клиентка ничего не слышит!» Мелькание булавок порождало суеверия, а упавшие на острие ножницы предвещали смерть. А еще были всякие пакости и мелкие гадости мира моды. Бюсты-манекены из конского волоса, сделанные по меркам клиентки, назывались «кладбищами».

В семь вечера студия пустела. Существовала маленькая кладовка, где были сложены куски ткани, юбки, например красная юбка, которую недавно отделили от платья из черной тафты с декольте в виде сердца. Кладовка называлась «будка Вани». Однажды Жан-Пьер переоделся, надел эту красную юбку и шляпу гондольера и тут же превратился в Гадкую Лулу, персонаж комикса, который Ив опубликовал

намного позже, в 1967 году. Тогда он посмотрел на маскарад и пришел на следующий день с набросками. Вот Лулу, влюбленная в пожарного: она поджигает свой дом, чтобы он приехал. Лулу толстая и злая, у нее два любимых определения: «шмук» и «плук». Она рвет в клочья учебники и школьные тетради детей, рвет цветы на клумбах городского парка. Когда Лулу стала медсестрой, она сразу стала спаивать детей красным вином и выращивать белых крыс. Она сверхкокетка. Господин Диор с улыбкой заметил: «Я никогда не видел эту женщину у нас. А я-то думал, что всех здесь знаю».

Ив Сен-Лоран завоевал доверие господина Диора. Он присутствовал на всех примерках, подавал идеи. Мэтр все чаще выбирал его эскизы для коллекций и часто рекомендовал его коллегам. Этот молодой модельер уже успел нарисовать декорации «Ярмарочной музыки» для балетов Монте-Карло. Работая у Диора, Ив создал свою первую модель платья для Зизи Жанмер. Она была звездой балета Ролана Пети¹³², хореограф женился на ней в декабре 1955 года. «Молодожены Нового года» появились на обложке журнала *Paris-Match*. Они были знакомы с Диором со времен освобождения Парижа. Он часто рисовал для них костюмы, например для «Тринадцати танцев» в 1947 году, хотя у мэтра осталось плохое воспоминание об этом. «Мы заканчивали шитье на спине у балерин, когда они уже были на сцене,

¹³² Пети, Ролан (1924–2011) – французский танцовщик и хореограф, один из признанных классиков балета XX в.

перед публикой»¹³³. Даже если учесть, что первые его авторские костюмы («Школа злословия» Шеридана в театре Матюрена) были сделаны для театра, когда он работал у Пиге в 1939 году, Кристиан Диор не «болел» театром. Что касалось кино, он работал над двумя фильмами: «Кровать под балдахин» Ролана Туаля и «Молчание – золото» Рене Кле-ра. Но он никогда больше не занимался сценографией после того, как открыл свой Дом моды. Только страсть к моде времен Второй империи заставила его согласиться на заказ Одетт Жуайё¹³⁴ сделать костюмы и декорации для фильма «Парижский вальс». Все чаще, с начала пятидесятых годов, Кристиан Диор предпочитал предоставлять платья из своих коллекций для фильмов, где играли его подруги, например Марлен Дитрих в «Большом алиби». В 1956 году он одевал Аву Гарднер в фильме Марка Робсона «Маленькая хижина». Позже создал костюмы для Оливии де Хэвилленд и Мирны Лой в фильме «Дочь посла». «Беспорядок кулис предполагает импровизацию, что-то “приблизительное”, жертву во имя эффекта, а это все не имеет отношения к моему темпераменту»¹³⁵, – признавался этот «молчаливый нормандец» (так он себя определял), который предпочитал спокойствие деревенской жизни искусственному освещению городов.

Зато его молодой ассистент страдал этой «красно-золо-

¹³³ Christian Dior, *Dior et moi*, *op. cit.*

¹³⁴ Жуайё, Одетт (1914–2000) – французская актриса, драматург, романист.

¹³⁵ Christian Dior, *Dior et moi*, *op. cit.*

той» страстью к театру, как называл ее Кокто. Не подозревая об этом, Ролан Пети и Зизи Жанмер, эти беглецы из Гранд-опера, были его кумирами... Еще в Оране Ив следил за историей с балетом Елисейских Полей. Когда ему было одиннадцать лет, Ролан Пети увлекался чечеткой, Жан Бабиле¹³⁶ в ярости рвал розовые лепестки своего костюма (балет «Призрак Розы»¹³⁷), а Борис Кохно¹³⁸ прогуливал на авеню Монтень Гиацинту, собачку Кристиана Берара. В 1949 году поставили балет «Кармен», знаковый спектакль, когда на сцене театра Мариньи Рене Марсель, балерина с короткой стрижкой, превратилась в Зизи Жанмер. Тогда, по примеру Ролана Пети, Ив играл в режиссера: он постриг свою младшую сестру Мишель «под Кармен». Прошло шесть лет. Гранд-опера по-прежнему дремала в золоте и бархате, а эти двое возлюбленных, точно сбежавшие с картинки Пейне¹³⁹, стали новыми звездами мюзик-холла. Зизи готовила номер с фокуса-

¹³⁶ Бабиле, Жан (1923–2014) – французский артист балета и хореограф, считается первым французским балетмейстером послевоенного времени, получившим международное признание.

¹³⁷ «Призрак Розы», или «Видение Розы», – одноактный балет Михаила Фокина на музыку пьесы К.М. фон Вебера «Приглашение к танцу» (1919) по мотивам стихотворения Т. Готье «Видение Розы». Был поставлен в труппе Русского балета С. Дягилева, декорации и костюмы Леона Бакста.

¹³⁸ Кохно, Борис Евгеньевич (1904–1996) – русский и французский театральный деятель, писатель, антрепренер, либреттист и импресарио.

¹³⁹ Пейне, Рэймон (1908–1999) – французский художник-график. Всемирную известность ему принесли рисунки «Возлюбленных», изображавших поэта и его невесту.

ми вместе с Фернанделем¹⁴⁰ на гала-концерте в Союзе артистов. Сопровождаемая своим мужем, она пришла к Кристиану Диору. «Я предлагаю Вам молодого ассистента», – сказал им кутюрье, загруженный в этот день. «К нам вышел совсем худой молодой человек... Ритуал прошел как обычно, в атмосфере легкого беспокойства. Эскизы, ткани, примерки... и великий день настал». Ролан Пети вспоминал: «Мы увидели белое платье, платье-веретено, удлинявшее линию. Плечи были декорированы жемчужными и бриллиантовыми ожерельями в стиле безделушек. Это был сатин, довольно плотный, с разрезом сбоку. Он вынул из платья все неудобные фижмы и создал силуэт...» В назначенный вечер Зизи появилась в этом платье в цирке Медрано. Начиналась большая история. Кристиан Диор быстро понял зачарованность Ива и театром, и модой, он и сам, одевая женщину, был похож на режиссера, работавшего с актером, и для этого он приглашал публику в начале каждого сезона на свою бесплатную премьеру. Разве он не мечтал «одеть женщину от Кристиана Диора с головы до ног»¹⁴¹? Но времена менялись. Хотя область *haute couture* позволяла зарабатывать на жизнь двадцати тысячам работникам, но цены поднялись с 20 % до 30 % в 1955–1956 годах. Начинались разговоры о кризисе: все дома моды боялись копирования моделей и поднима-

¹⁴⁰ Фернандель (наст. имя Фернан Жозеф Дезире Констанден) (1903/1971) – французский актер, величайший комик театра и кино Франции и Италии.

¹⁴¹ Christian Dior, *Dior et moi*, *op. cit.*

ли таксу для больших оптовиков. Сам Диор, открывший в Нью-Йорке Дом моды «гран-люкс», поняв тягу американцев ко всему новому, в то же время не обманывался, зная привычки жителей Америки, «где кондиционированный воздух препятствовал постепенному нагреванию не только тел, но и душ»¹⁴². Люкс *made in France* в Америке был предложен всем и каждому, создавались империи по серийному производству Высокой моды. В журналах рекламные фото заменили иллюстрациями. Мнение таких магнатов, как Рассел Д. Карпентер (*Magnin*), Лоуренс Маркус (*Neiman Marcus*), Рассекс или Б. Альтманс¹⁴³, теперь считалось важнее, чем мнение элегантных женщин, которые формировали моду во времена балов у графа де Бомона¹⁴⁴. Интервью теперь брали именно у них. «Что вы думаете о новой длине платьев?» Элегантность стала условной, а разорившиеся прекрасные иностранки покидали Париж. Влияние на моду крупных оптовиков стремительно росло. Грэйс Келли¹⁴⁵ тогда объявила, что отныне будет одеваться только в магазине *Macy's*, самом модном универмаге Манхэттена!

Вот еще одно совпадение: в тот же год, когда Ив Ма-

¹⁴² *Ibid.*

¹⁴³ Крупные торговые сети магазинов одежды и их руководители.

¹⁴⁴ Бомон, Шарль д'Эон де (1728–1810) – французский дворянин, один из лучших фехтовальщиков Европы конца XVIII в., тайный агент Людовика XV, до самой смерти хранил свою тайну, мужчина он или женщина.

¹⁴⁵ Келли, Грейс Патриция (1929–1982) – американская актриса, с 1956 г. – супруга князя Монако Ренье III.

тьё-Сен-Лоран пришел на работу к Диору на авеню Монтень, открылся большой бутик, увеличенная версия небольшого уголка развлечений, открытого Кристианом Диором еще в феврале 1947 года. Кристиан Берар предложил основную идею интерьера: ткань туалъ де жуи бежевого цвета и сепии, манекены из ивовых прутьев – что-то вроде бонбоньерки, аккуратно заполненной безделушками, бижутерией, платками. С 1948 года коллекция бутика была представлена впервые. Вскоре появились перчатки, чулки и парфюмерная линия, затем аксессуары, галстуки, подарки. «Казалось, что бутик расколется надвое, как яйца в руках фокусника, в которых спрятан ворох разноцветных платков».

Шли переговоры с соседним баром, двумя магазинами на улице и представителями налоговой службы, чтобы наконец начать перестраивание бутика. Большой магазин открылся в июне 1955 года по адресу: 15, улица Франциска I. Стилизованный под эпоху Марии-Антуанетты, столь дорогой Диору, в неоварианте 1900 года, его декоратор Виктор Гранпьер развесил в интерьере медальоны из белой лепнины, маленькие абажуры, поставил австралийские пальмы кентии, которые гармонировали с салонами серо-жемчужного цвета. «Мне хотелось, чтобы женщина выходила из бутика, полностью снабженная одеждой и держа в руке подарок». У каждой продавщицы была своя секция: чулки, парфюмерия, ремни, сумки, нижнее белье, подарки, фарфор... В этом магазине женщины тратили состояния и выходили

всегда без пакетов: «Шофер заберет покупки». Они все знали друг друга, но чаще всего никого не замечали. Продавщицы угадывали по хлопку веера, что пришла свирепая Вольпи; по запаху розового парфюма и пудры узнавали графиню де Шаваньяк... В январе, в июле, в конце ноября (на праздник святой Екатерины) и в декабре ажиотаж в бутике возрастал. Витрины украшались. На Рождество удивительный запах еловых ветвей заполнял бутик. Настоящее сумасшествие начиналось все же ночью, после закрытия. В эти часы новинки все прибывали и прибывали.

Ив Сен-Лоран создал дизайн открыток и эскизы специальных моделей, которые на жаргоне Диора назывались «финтифлюшками»: это домашние платья, довольно броские, и топики, которые должны были стать сенсацией. Ив активно занимался декорацией в эти дни вместе с Жан-Пьером Фрером. Именно здесь он впервые встретил семейную пару скульпторов Лалан. Они и по сей день вспоминают с волнением об этих ночных бдениях в поиске оформительских трюков. «Мы делали декорации из ниточных арматур, из жемчужных птиц, из маленьких меховых фавнов, из драконов, сделанных из печных труб...»

Ив иногда одевался в маленькую кожаную куртку и узкие брюки. Ему было двадцать лет: как остаться равнодушным к этому замечательному вихрю юности, который сотрясал недоверчивый мир Высокой моды, спрятавшийся за своим упрямством и привилегиями?! Американцы завидовали

французам, что у них были птичники в деревнях и исторические памятники, но, в свою очередь, они сами заставляли мечтать европейцев о комфорте, о возможности быстро и хорошо одеваться. Вчера еще обреченные на покупку платьев в отделе для девочек, сегодняшние девушки позировали в юбках модели *Université* Жака Фата и в обтягивающих пуловерах от Корригана. Покупались первые пальто специально для шопинга, или для автопрогулок, или на уик-энд. Тогдашний кумир – Франсуаза Саган, одаренный автор романа «Здравствуй, грусть!». «Никакой пудры, немного помады, растрепанная челка...»¹⁴⁶ А также Одри Хепбёрн – талисман Живанши: стройный силуэт, балетки, прическа в стиле «Орленок», она ездила на мопеде в фильме «Римские каникулы», была одета в пуловер и брюки в роли продавщицы из книжного магазина в фильме «Забавная мордашка». Вся эта молодежь вернулась к академическому лоску Высокой моды, от муарового стиля Пакена до тюля-сетки Ланвен с двойным рядом жемчуга и дамскими шляпками Минга из синего бархата – все это классические наряды женщин, которые еще не стали мечтой, но уже прочно принадлежали реальному миру.

Одна лишь Шанель стояла особняком. Со времени своего возвращения она не переставала работать с джерси, сделала так, что эта материя смотрелась на ее моделях, почти лишенных форм. Не изменяя себе, она приспособилась, из женского костюма, выразившего сущность парижанки, сделала

¹⁴⁶ *Matthieu Galey, Journal 1953–1973.*

форменную одежду, о которой мечтали американки. Коко одна шла всем наперекор (наверняка потому, что она была уверена: ее нельзя скопировать): «Копия – это признак здоровья. Одевать по-разному пятьдесят женщин не имеет никакого интереса, а вот увидеть свои произведения в больших магазинах всего мира за умеренную цену, видеть женщин на улице, подхвативших ваш стиль, – вот в чем цель и слава кутюрье»¹⁴⁷. Она единственная из кутюрье, кто разрешал фотографам и художникам воспроизводить ее модели до 1 сентября. Именно благодаря взглядам Шанель, вернувшей достоинство понятию «практичный», молодая команда Диора нашла плодотворную тему для ностальгии в культе эпохи 1920-х годов. Простота и скупость линий делали из Шанель больше чем просто кутюрье, она воплощала дух этого века и его битв. «Мужчина, по крайней мере, свободен: он может изведать все страсти и скитаться по всем странам, преодолевать препятствия, вкушать самые недоступные радости. Женщина же вечно связана. Косная и в то же время податливая, она вынуждена бороться и со слабостью тела, и с зависимостью, налагаемой на нее законом»¹⁴⁸.

У ностальгии по 1920-м годам была своя святыня – «Бык на крыше». Жан Гюго нашел это место в 1945-м, уже «переполненное американцами под завязку». В последние годы этого знакового ресторана его посещали как важную досто-

¹⁴⁷ *Elle*, 27 août 1956.

¹⁴⁸ Гюстав Флобер. Мадам Бовари.

примечательность. Это место притягивало мечтателей. Как приятно сказать: «Пойдем в “Быка”». И это через тридцать лет после того, как Соге появлялся там с такой же маленькой театральной тросточкой, что и Леото¹⁴⁹. Здесь можно было встретить призрак княжны Бибеско¹⁵⁰, завернутой в вуали из черного крепа в бриллиантах...

Парижское воспитание Ива Матьё-Сен-Лорана расширилось благодаря выходу в свет. Ключевые роли здесь играли Кармен Родригес и Лилия Ралли – женщины, которые находились в постоянном контакте с клиентками и, прежде всего, с директрисой салона Сюзанной Люлен. Многим хотелось знать, как эта женщина, прошедшая «огонь и воду», могла работать в кабинете размером не больше чем две табуретки! Расположенный в углу над лестницей, он был стратегическим пунктом, откуда она наблюдала через круглое окошко за всем, что происходило. Ее владения простирались еще дальше. Пиар Дома моды – это она. Сюзанна умела придать значение тому, с кем общалась. Опыт работы в рекламе перед войной у Блештайна-Бланше¹⁵¹ сделал эту нормандку из

¹⁴⁹ Леото, Поль Фирман Валентен (1872–1956) – французский писатель, поэт, театральный критик.

¹⁵⁰ Бибеско, Марта (1886–1973) – румынская и французская писательница, общественный деятель. На протяжении все своей жизни вела дневник, который составил в итоге 65 томов.

¹⁵¹ Блештайн-Бланше, Марсель (1906–1996) – французский рекламный предприниматель, основатель фирмы *Publiois*, ныне третьей в мире рекламной группы.

Гранвиля профессионалом по продажам. Она искусно использовала *placement of product* в день презентации коллекции.

Всегда одетая в бежевый цвет летом, в серый и черный – зимой, Сюзанна со свойственной ей крестьянской гордостью старалась никогда не совпадать в одежде с клиентками. Она обедала в *Relais Plaza*, присутствовала на всех коктейлях, вечерами появлялась в длинном платье в клубе *l'Epi* или *l'Eléphant blanc* на улице Вавен. Казалось, что ее не возбуждает даже белое вино. Очень популярная в парижском мире, она ненавидела мелочность и «кухонные слухи». Она – подруга герцогини Кентской, но при этом была довольно доверчивой. Как говорил Кристиан Диор: «Она оживляет продавщиц, одурманивает клиенток, заряжает всех энтузиазмом и здоровьем, которые светятся в ее глазах»¹⁵². Она быстро прониклась симпатией к Иву. «Надо, чтобы он познакомился с себе подобными, это быстро сделает его парижанином», – говорила она Андре Остье.

Фотограф и хроникер, Андре Остье всегда был в курсе любой светской новости. Он знал, какие драгоценности были на Митце Брикар: подаренные кронпринцем или взятые напрокат у «Картье». Он знал, какое белье купила Николь де Монтескую у Баленсиаги. Картье-Брессон ему говорил: «Тебя не часто увидишь с аппаратом в руке, но при этом постоянно появляются твои фотографии». У Андре Остье не бы-

¹⁵² Christian Dior, *Dior et moi*, op. cit.

ло конкурентов. Папарацци еще не появились. Он был единственным фотографом, которого приглашали на частные вечера. Его называли «французским Битоном». Женщины его обожали, потому что он никогда не был злым. Чаще всего наоборот, Андре всегда старался показать элегантность с лучшей стороны, и у него это выходило естественно, что можно было принять за аристократическую легкость. На самом же деле его естественность – это результат кропотливой работы, что не поймут люди высшего света. У него не было славных крестоносцев среди предков. Остье принадлежал к разряду людей, для которых красота – это цель существования. И уж если он покровительствовал юноше, то наверняка потому, что, несмотря на разницу в возрасте и происхождении, он видел в нем страсть, объединявшую этих бродяг, оба желали войти в историю, которая им никогда не принадлежала. Молодые люди словно находили осколки памяти, возрождали их в своих произведениях, тогда как другие балзамировали свою память и выставляли ее в фамильной часовне. Андре Остье было двадцать лет, когда он познакомился с леди Мендл. Указывая на свою белую софу, она все время ему повторяла: «Это должно быть бежевым». Она сожалела только об одном: она не знала великих князей и не застала царскую Россию.

Со свойственной ему вежливостью Андре Остье фотографировал Ива Сен-Лорана в особняке Ламбер. В течение лета 1956 года ученик-модельер делал наброски причесок и

шляп для бала важных особ, который организовывал в особняке Ламбер барон де Реде¹⁵³. Эти цветы, эти эгретки, эти всплески органзы напоминали эскизы в стиле Домерга, которые он рисовал для матерей своих подруг еще в Оране. Но здесь речь шла немного о другом. Надо было отбиваться от соперников, никогда не повторяя на бумаге одну и ту же модель дважды; быть готовым к жалобам и капризам. Словом, найти, как говорил Мольер в «Школе жен», «тысячи ингредиентов, которые создают свежий цвет лица...».

Но жены ловкие – другого рода племя.

От их голов одних зависим мы все время.

В этих акварелях можно было найти, мысленно превращая заостренные лица персонажей в круглые, новый сад фантазии, где росли кустики ландыша, страусиные перья, цветочные пирамиды, черные лилии. В этих прическах из тюля с пайетками в виде звезд проглядывали воспоминания то о лебедином костюме танцовщика Жана Бабиле, то о шиньоне Алиды Валли в фильме «Чувство».

Снимая гостей на свой фотоаппарат *Rolleiflex*, Андре Остье поймал в объектив Ива Сен-Лорана. У него длинные и тонкие руки, взгляд рассеянный, он наблюдал за происходящим с явно отсутствующим видом.

¹⁵³ Розенберг, Алексис, барон де Реде (1922–2004) – банкир, миллионер, эстет и коллекционер живописи, организатор роскошных балов, куда привлекались известные фотографы и модельеры.

Каштаны и автобусы с платформами превращали авеню Монтень в настоящую деревню. Работницы выходили напаявая из мастерской, их ждали женихи, парни из «Кодака». Манекенщицы исчезали в больших машинах. И все-таки волшебный сон рассеивался. Международные события непоравимо повлияли на моду: во время корейской войны американцы прервали закупки. Женщин заменили новости. Теперь надо было завоевывать «злую фею» журналистики, как говорил Кокто. В сфере моды многие журналисты имели в своем распоряжении целый арсенал похвал и язвительности, им достаточно было одного названия для статьи, чтобы превознести или уничтожить новую коллекцию. В Соединенных Штатах даже появился ежедневный журнал *Women's Wear*, полностью посвященный моде. У Диора прессой занимался маркиз де Моссабре. Среди редакторов журналов, завсегдательниц показов, в первом ряду стояли: Кармель Сноу¹⁵⁴, которой принадлежит фраза *It's New Look*¹⁵⁵ (из журнала *Harper's Bazaar*), Салли Киркланд (журнал *Life*), Диана Вриланд (журнал *Vogue USA*). Их всех упоминал Стэнли Донен в своем фильме 1956 года «Забавная мордашка».

Точно попавшие под холодный душ «холодной войны», все платья стали гладкими. Некоторые разгадали, что по-

¹⁵⁴ Сноу, Кармель (1887–1961) – главный редактор журнала *Harper's Bazaar* с 1934 по 1958 г.

¹⁵⁵ «Это новый взгляд» (англ.). Кармель Сноу этой фразой охарактеризовала знаменитую коллекцию К. Диора в 1948 г. Название *new look* закрепилось за целым направлением в моде.

следняя коллекция Диора «Н» была вдохновлена маленьким бюстом исторической героини Агнессы Сорель¹⁵⁶. Коллекции Диора вытягивали женский силуэт вверх из года в год, от прямых плечей до туник без талии. Линия «А» (лето 1955), линия «Y» (зима 1956), линия «Магнит» (лето 1957), линия «Веретено» (зима 1957). У Диора, как и у других модельеров, линии одежды удлинялись, в чем пятидесятые годы были похожи на двадцатые. Крестный отец коллекции *new look* был уже не единственным автором этого стиля, скорее уж Коко Шанель «с ее бесполой одеждой». Если следовать анализу, который пророчески сделал Морис Сакс в своей книге «Во времена “Быка на крыше”» тридцать лет тому назад, то «ничто так не обострило вкус к гомосексуализму, как эта мальчишеская внешность, которую вдруг приобрели женщины. Что же касается Шанель, именно ее тяга к простоте невольно открыла двери любой эксцентричности, любому эпатажу, примерно как в свое время коммунизм подготовил появление диктатур». Книга Мориса Сакса – один из фетишей Сен-Лорана.

Если Шанель подарила роскоши строгость, то Диор сделал из нее синоним мастерства, профессии, парижского понятия «законченного и совершенного». В 1957 году Диор праздновал десятилетие своего Дома моды.

Time посвятил ему обложку. Взаимное уважение объединяло Ива Сен-Лорана, которому был тогда двадцать один

¹⁵⁶ Сорель, Агнесса (1422–1450) – возлюбленная короля Карла VII.

год, и Кристиана Диора, которому исполнилось пятьдесят два, несмотря на абсолютную разницу в поведении и внешнем облике: у одного – тонкая паучья грация, а у другого – вид солидного сельского священника, всегда читавшего в глазах близких: «Патрон, вы слишком полны». Внешность спокойного отца семейства – всего лишь видимость, Кристиан Диор всегда умел улаживать конфликты между женщинами, окружавшими его, любил поест и, соответственно, был озабочен весом, обманывая свой страх постоянными большими перекусами, а вслед за ними курсами похудения. В его особняке из двенадцати комнат на бульваре Жюль Сандо, в XVI округе, ничего не говорило о его сомнениях и мучениях: мебель эпохи Регентства, бархатные обои, канапе с бахромой, его портрет кисти Бернара Бюффе над камином. Тем не менее он везде ходил со своей гадалкой. Накануне показа коллекции она предписывала порядок действий вплоть до места, где он должен был находиться во время дефиле. Диор, этот бонвиван, был снедаем тайной болью, которая часто делает из самых публичных людей истинных одиночек. Даже если он не мог объяснить разницу между прямым стежком и косым, первые швеи уважали и любили его как отца. Для них он был самым обходительным человеком, какого они когда-нибудь встречали. Они шили все его платья, чтобы сделать ему приятное, а у него всегда находилось для них доброе слово: «Как это красиво».

Господин Диор научил молодого Сен-Лорана тому, что

его ученик не забудет никогда. «Это было что-то большее, чем мода и стиль. Фундаментальное благородство профессии кутюрье». Ив регулярно возвращался в Оран, продолжал рисовать модели платьев для своих сестер, присутствовал на примерке в ателье у мадам Монтье, которая чувствовала себя польщенной.

В июле 1957 года Люсьенна Матьё-Сен-Лоран приехала повидать сына. «Она изменилась со времени отъезда Ива, – вспоминали сестры, – она уже была не такой веселой». Ив переехал, теперь он жил напротив сквера Петрарки, в большой и довольно светлой студии около площади Трокадеро. У него появилась новая подруга – Филиппина де Ротшильд¹⁵⁷. Он ходил с ней на танцевальные вечера. Чтобы отпраздновать приезд матери, остановившейся в *Plaza*, Ив заказал столик в ресторане *Relais*. Их обед прервался стремительным появлением Сюзанны Люлен: «Ну, маленький молчун, вы нам не говорили, что у вас такая красивая мама...» И она тут же все рассказала господину Диору. Очарованный описанием, он пригласил Люсьенну в студию на следующий же день. Ив безумно волновался: «Ты наденешь вот это платье. Ты встанешь вот здесь...»

Люсьенна отправилась вместе с сыном на авеню Монтень, 30. «Оставьте нас, молодой человек», – сказал ему Диор отцовским тоном. О чем они говорили тогда друг с другом?

¹⁵⁷ Ротшильд, Филиппина Матильда Камилла (1933–2014) – единственная дочь винного магната Филиппа де Ротшильда.

Ив приезжал в Оран летом отпраздновать свой двадцать первый год. 24 октября 1957 года Кристиан Диор скоропостижно скончался от разрыва сердца в Монтекатини, в Италии, в маленьком курортном городке, куда он всегда ездил, чтобы сбросить лишний вес. Ему было пятьдесят два года. Он верил в мечты и гадания на картах, он стучал по дереву и крестился с вечным страхом смерти в душе. До конца своих дней он стоял на страже секрета моды. Дом моды оплакивал его, и убитые горем верные соратники ворчали и шептались: «Ведь мадам Делаэ говорила ему не ездить в Монтекатини!» Бывший директор небольшой картинной галереи, «дилетант» из Гранвиля, за десять лет стал символом целой модной империи. Он оставил после себя фирменный стиль, его состояние в мировой экономике исчисляется суммой в семь миллиардов франков.

Его останки доставили в Париж. Похороны состоялись во вторник, 29 октября 1957 года, в церкви Сент-Оноре д'Эйлау. Из Каракаса, Нью-Йорка, Токио и Рима, из предместий и французских провинций поступали траурные венки, гирлянды роз, орхидей и ландышей, любимого цветка мэтра. Тело Кристиана Диора лежало в церкви всю ночь между двумя серебряными канделябрами. К девяти часам утра у церкви собралась толпа. В руках и петлицах были видны ландыши. В десять часов двери церкви закрылись. Три тысячи людей остались стоять снаружи. Внутри находилось столько знаменитостей! Герцогиня Виндзорская и ее фрейлина Па-

мела Черчилл, Кармель Сноу, Пьер Бальмен, Кристоаль Баленсиага, Юбер де Живанши, Марсель Буссак, Жан Кокто, Луиза де Вильморен¹⁵⁸, Франсис Пуленк¹⁵⁹...

Анри Соге организовал мессу, которая тронула всех. Он использовал немного инструментов и старинные песни, потрясавшие своей красотой. После церемонии процессия вышла из церкви. По желанию Кристиана Диора его кремировали в Кайане, в департаменте Вар, неподалеку от старинной резиденции епископа Грасса, где он хотел найти последнюю обитель среди архитектуры XVIII века. Среди женщин в черных вуалях, с красными от слез глазами стояли двое мужчин, еще не знавшие друг друга, – Пьер Берже и Ив Сен-Лоран.

¹⁵⁸ Вильморен, Луиза де (1902–1969) – французская писательница, поэт, сценарист, хозяйка литературного салона.

¹⁵⁹ Пуленк, Франсис (1899–1963) – французский композитор, пианист, критик.

Молодой король в доме моды Dior

Короля не стало. Из Флориды, Австралии, Японии все еще приходили письма. Эти пачки соболезнований – финальная точка среди потока дифирамбов, оскорблений и благодарностей, которые наполняли собой десять лет славы «короля». Его называли сумасшедшим, визирем, диктатором моды... Его принимали за бога. Одна разорившаяся вдова умоляла придумать ей такую одежду, в которой она хотела «познать небесные области». Господин Диор никогда не отвечал на письма. Он распечатал свою корреспонденцию единственный раз, чтобы написать книгу «Диор и я», которую закончил в Париже 7 апреля 1956 года.

Две недели после его смерти проходили в атмосфере растерянности. Шум в коридорах. Костюмы на праздник Святой Екатерины приходилось запаковывать и прятать с тяжелым сердцем. Кроме того, на сцене появился персонаж, перед которым все женщины чувствовали себя маленькими девочками. Это был Жак Руэ¹⁶⁰.

Административный и финансовый директор Дома моды

¹⁶⁰ В 1948 году Диор нанимает менеджера Жака Руэ, который стал деловым гением дома *Christian Dior*. В частности, именно ему принадлежит идея лицензирования, которой теперь пользуются все модные дома: когда американцы предложили купить права на производство чулок *Dior*, Руэ вместо этого договорился о выплате процента от продаж.

Dior, находившийся обычно шесть месяцев в году в деловых командировках, экстренно вернулся в гудящий как улей дом на авеню Монтень. Высокий лоб и рост под стать крупному государственному мужу как нельзя лучше подходили Жаку Руэ, доверенному лицу миллиардера Буссака. Этот человек был способен хранить секреты. К тому же, будучи традиционалистом, он разделял с миллиардером общие идеи касательно Франции: чувство меры, хороший тон и ощущение власти. Его основная цель – не позволять себе ни одной ошибки. Регулируя разнообразие товаров и лицензионные соглашения, именно он следил за соотношением престижа и распространения продукции. «Мы коммерсанты», – говорил Диор, который, хоть и проставил первым в истории свою фамилию на коллекцию чулок, всегда отказывался жертвовать престижем: «Я хотел оставаться независимым, только такая ситуация виделась мне совместимой с достоинством, блеском и верховенством парижской моды»¹⁶¹.

Утвержденный Марселем Буссаком в должности бессменного управляющего компании, Жак Руэ теперь руководил империей, которая насчитывала тысячу четыреста человек. Дом моды *Dior* включал в себя восемь компаний, шестнадцать фирм, представленных на пяти континентах¹⁶². Начиная с рекламных зарисовок Грюо в журналах и заканчи-

¹⁶¹ *Christian Dior, Dior et moi, op. cit.*

¹⁶² *In «Hommage a Christian Dior, 1947–1957», Musée des arts de la mode, Paris, 1986.*

вая витринами, диоровскими декорациями, Жак Руэ распространял имя *Dior* повсюду. Дом *Dior* – участник всех значительных событий во всем мире: открытие после ремонта театра «Ла Скала» в Милане или бал «Апрель в Париже» в нью-йоркском отеле *Waldorf*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.